

# ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

---

УДК 314

Желтов Виктор Васильевич, Желтов Максим Викторович

*Кемеровский государственный университет*

*Кемерово, Россия*

## Арабская весна: демографические аспекты

*Дается анализ демографической составляющей революций, имевших место в последнее время в арабском мире. Раскрываются некоторые аспекты реального социального положения арабской молодежи, лежащего в основе ее политической активности.*

**Ключевые слова и словосочетания:** арабские революции, арабская весна, социальный протест, демографические изменения, образование, безработица, занятость.

Арабские революции, охватившие с конца 2010 г. большинство мусульманских стран на Севере Африки и Ближнем Востоке, во всем мире получили наименование «арабская весна». Весна, как известно, является для многих символом обновления и надежд, которые вдохновили вступление народов арабского мира на путь глубоких перемен.

Весна арабского мира – исторически не первая весна в политическом смысле. Как тут не вспомнить о «весне народов» 1848 г.,<sup>1</sup> знаменовавшей события в Париже и Варшаве; пражской весне 1968 г.,<sup>2</sup> Дамасской весне 2001 г.<sup>3</sup> или весне в Бейруте в 2005 г.<sup>4</sup> Правда, данные события лишь только «подтвердили тот факт, что цветы не всегда приносят плоды» [1].

---

<sup>1</sup> Европейские революции 1848 – 1849 гг. – общее наименование революционных движений, выразившихся в форме неповиновения, открытых вооруженных восстаний, декларирования новой государственности в европейских странах в середине XIX в. В публицистике эти события получили наименование «Весны народов».

<sup>2</sup> Пражская весна – период политической и культурной либерализации в Чехословакии. Началась 5 января 1968 г., когда реформатор Александр Дубчек был избран первым секретарем Коммунистической партии Чехословакии, и продолжалась до 21 августа, когда СССР и остальные члены Варшавского договора, кроме Румынии, вторглись в страну и тем самым остановили процесс реформирования ЧССР.

<sup>3</sup> Термином «Дамасская весна» обозначали попытку Башара Асада преобразовать сирийское общество после вступления в 2000 г. на пост президента страны.

<sup>4</sup> Весной в Бейруте называли массовые действия протеста населения Ливана, требовавшего вывода сирийских войск с территории страны.

Арабские революции стали, как известно, выражением демографической и культурной трансформации, осуществленной в арабском мире. И эта трансформация в арабских обществах особенно сильно сказалась на молодежи. Молодежь арабского мира, в частности, подошла к принятию либеральной и западной модели образа жизни и стала, в силу этого, «социобиологическим» актором осуществленных трансформаций. Как пишет *TimeMagazine*:

«Всеми восстаниями руководили молодые мужчины и женщины... И все они (и мужчины, и женщины) выражали одни и те же требования: право выбирать и заменять своих руководителей, покончить с эндемической<sup>1</sup> коррупцией, обеспечить занятость и улучшить условия жизни. «Где бы вы не оказались, в Тунисе, Каире или Манаме (Бахрейн), – утверждает Ала'а Шебаби, молодой 30-летний бахрейнский активист, читающий курс экономики в университете, – молодые арабы находятся на одной и той же длине волны» [2].

Социальный протест молодежи сопровождается освобождением ее от инерции прежних социальных и семейных отношений, которая особенно сильна в арабском мире. Судя по характеру социальных сдвигов в большинстве стран арабского мира, молодежь проявляет готовность прибегнуть к ценностям либеральных демократий, утвердившихся в продвинутых капиталистических обществах.

Обращает на себя внимание тот факт, что в арабском мире изменяется демографическое поведение молодых людей. Сказывается влияние ряда факторов, среди которых демографы называют массовидно выраженный рост уровня образования молодых людей, увеличение возраста вступления в брак, а также все более широкое использование в интимных отношениях контрацептивов.

Подобный процесс, как известно, получил развитие в 1960-е гг. в странах Западной Европы и Северной Америки. Правда, эти трансформации происходили там в ином экономическом контексте, чем тот, что сложился к началу 2000-х гг. в мусульманских странах Северной Африки и Ближнего Востока. В большинстве стран арабского мира первостепенную роль в поведении молодежи играет не столько «прогресс нравов», сколько безработица и нищета, сказывающиеся на реальном положении молодых людей в обществе.

Большинство молодых людей, которые продвигали дело арабских революций, по мнению некоторых обозревателей, не созрело до признания полностью либеральных демократических идеалов. Они, скорее, напоминают людей, которых мотивирует потребность вести достойную и приемлемую жизнь, но это в контексте поколенного обновления, отличающего

---

<sup>1</sup> Эндемический – местный, свойственный данной местности.

их от старших поколений, которые вовсе не собираются уступать, кому бы то ни было, свое место в обществе [3].

При всей привлекательности попыток объяснения политических феноменов арабского мира на основе демографических переменных, такой подход неприемлем в случае арабской весны. Ибо в рамках демографического подхода дает о себе знать опасность недоучета влияния комплексности социальных, культурных и политических измерений в арабских революциях.

Однако не меньшую опасность для научного анализа несет с собой пренебрежение демографическими измерениями. Начнем с того, что в своей совокупности арабский мир молод. Молодежь в возрасте до 20 лет в арабском мире составляет половину населения. Лица от 15 до 24 лет составляют четверть населения. Средний возраст в арабском мире составляет 25 лет, тогда как в европейских нациях – 38 лет [4]. По отдельным странам этот показатель выглядит следующим образом: средний возраст в Тунисе составляет 29 лет, а в Египте – 24. Для сравнения: во Франции этот показатель составляет 40 лет, в Германии – 44 года [5].

Только 6% населения арабского мира имеют возраст свыше 60 лет. При этом в арабских странах обозначилась тенденция падения рождаемости. По сравнению с показателями 1960-х гг. она сократилась наполовину, перейдя с 5 – 7 детей в среднем на семью, до 2 – 3. В Тунисе этот показатель составляет 1,71, что меньше, чем у французов (1,91) и не обеспечивает обновления поколений.

В настоящее время козырем экономического развития является наличие многочисленного и динамичного молодого поколения в составе населения, а также невысокое влияние «отношения зависимости»<sup>1</sup> и отставания в политическом плане. Фактически, в большинстве арабских стран численность молодежи превышает способности государственной власти вовлечь ее в активную экономическую деятельность. Не хватает мест занятости, что ведет к безработице и социальным напряжениям [6].

Как отмечал еще 25 лет назад демограф Филипп Фарг, в продолжение демографического перехода «20 – 30-летние не представляли и не будут представлять никогда в населении 20-летних в такую же пропорцию, как сегодня» [7]. И нужно сказать, что в арабских странах массовое прибытие молодежи на рынок труда представляет собой часть прошлого.

Тематика демографического взрыва как фактора арабских революций значительно уменьшает влияние социальных и экономических объяснений. Уменьшается и оценка влияния уровня безработицы. На переднем плане оказывается идея опасной молодежи: не имея возможности полу-

---

<sup>1</sup> В демографии к числу так называемых «зависимых» относят население в возрасте до 15 лет и свыше 65 лет.

чить работу, молодежь становится добычей экстремистских идеологий и даже бунтов.

В плане образования неравенство особенно велико. В зоне Северной Африки и Ближнего Востока треть молодых людей безграмотна. При этом население Ливии, например, более грамотно, чем население Туниса, а показатели по образованности населения Алжира выше, чем в Египте и Марокко<sup>1</sup> [8]. Велики различия по этому показателю между мужчинами и женщинами, а также между городскими и сельскими жителями.

Революционная решимость арабской молодежи в определенной мере напугала стареющие европейские общества, хотя не изменила сути подъема движения протеста, связанного с принятием ценностей модерна, ценностей, которые являются одновременно причиной и следствием трансформации демографического поведения. Можно утверждать, что пробуждение сознания и принятие ценностей модерна позволило привести многих представителей молодежи к арабской весне [3].

Это так потому, что прогресс арабских стран в экономическом плане (как показывает рост ВВП) и в интериоризации ценностей модерна (о чем свидетельствуют демографические и культурные показатели), с неизбежностью поднимали в последние годы вопрос о судьбах авторитарных и патриархальных режимов. На этом фоне особенно сильным раздражителем для молодежи стал тот факт, что некоторые успехи арабских стран в экономическом развитии не давали удовлетворения многим молодым людям с точки зрения их материального благополучия. Выявились противоречия. С одной стороны, в обществе нарастали настроения необходимости дальнейшего движения в направлении продвинутого «капиталистического Эльдорадо», а с другой – этому противодействовала сложившаяся политика антиимпериалистической борьбы против Израиля за возвращение арабского «золотого века», сохранения своей этнической идентичности на основе ограниченных экономических возможностей для решения многих жизненных проблем.

Новые настроения в обществах стран арабского мира во многом были связаны с теми надеждами, которые возлагались на дальнейшее развитие системы образования как носителя идеалов свободомыслия и особенно равенства прав и уважения человеческого достоинства. Нужно сказать, что увеличение продолжительности обучения воспринималось большинством арабов как гарантия получения занятости в публичной службе. Обучение уменьшало к тому же социальную дистанцию и вносило свой вклад в создание предпосылок к преодолению социального неравенства, в том числе и между классами.

---

<sup>1</sup> По данным Всемирного банка, грамотные в Бахрейне составляет 91%.

Правда, в конце 1970-х гг. арабские страны, за исключением государств-рантье, связанных с нефтью, были вынуждены сокращать свою роль как работодателя. Во имя демократизации доступа к системе высшего образования государства ограничивали масштабы своей экономической деятельности. Всемерное содействие развитию гуманитарных и социальных наук, изучению иностранных языков и информатики способствовало снижению ценности образования на рынке труда и занятости, что провоцировало сильное чувство разочарования среди молодежи [3].

Факты показывают, что наличие образования не является гарантией от безработицы, хотя и может открывать перспективы для жизненного успеха. Вероятность успеха определяет настроения не только молодых людей, но и их родителей. Одна из матерей в Тунисе 27 декабря 2010 г. перед камерой, видимо мобильного телефона, заявила: «Я никогда не соглашусь с тем, чтобы мой дипломированный сын стал бы торговцем бараньего гороха, мы не для того жертвовали всем, чтобы оплачивать его учебу».

И в целом ряде арабских стран, где система высшего образования получила существенное развитие в последние десятилетия, вовсе не вопросы обучения в университете обрели политическое измерение. Куда большее влияние на политические настроения молодых людей и многих представителей старших поколений оказывала невозможность реализовать то, что высшее образование обещает в отношении социального статуса.

Таким образом, более высокий уровень образования порождает вторичные эффекты в демографическом поведении. Уменьшение государственных ресурсов и неспособность университетского образования отвечать на новые потребности капитала порождали глубокое недовольство среди арабской молодежи, подталкивая ее на путь восстания [3].

### **Освободиться от социального и семейного давления, чтобы стать демократом?**

Другая общая черта эволюции арабского мира заключается в связи между безграмотностью и понижением отношений авторитета в семейной и в публичной сферах. Как заявляет Юсеф Курбаж : «Дети, более грамотные, чем их родители, ставят под вопрос патриархальный авторитет. Когда семьи являются авторитарными и патриархальными, когда ваша семья отличается более эгалитарными взаимодействиями между родителями и детьми, между братьями и сестрами, само общество имеет тенденцию становиться более эгалитарным, и оно более не приемлет абсолютную власть» [9].

Действительно, отношения авторитета претерпели глубокие изменения в арабских странах. Преодоление безграмотности в какой-то мере объясняет это изменение. Однако постановка под вопрос родительского авторитета не могла осуществиться столь же легко, как, например во

Франции конца 1960-х гг. Об этом писал в начале 1990-х гг. демограф Поль Фарг: «Быстрое падение смертности (в арабском мире) значительно увеличила продолжительность сосуществования поколений, так же как размеры фратрий. Ранее, старший сын был наследником своего отца; соперничающие с ним братья не были многочисленными, т. к. смертность делала свое дело. Сегодня наследнику нужно жить со своим отцом в условиях конкуренции со своими братьями. В условиях кризиса урбанизации молодым людям приходится проживать совместно не только со своим отцом, но и под его крышей, т. е. под родительским авторитетом живут многие молодые горожане в возрасте, когда уже создаются семьи, и в условиях отсутствия собственных материальных средств» [7].

Модель расширенной, или коммунитарной<sup>1</sup>, семьи разрушается или начинает разрушаться в арабских странах. Сказывается динамика процесса индивидуализации. Нуклеарная семья утверждается среди образованной части населения как модель в урбанизированной среде. Этот процесс развивает желание автономии и освобождения от социального и семейного давления, которое рассматривается все более как неприемлемое. Все большее распространение получает формула: «Я хочу быть тем, кто я есть». Это яркое свидетельство процесса индивидуализации. Однако данная динамика в основном сконцентрирована в столицах. И она не получает пока более широкого распространения в силу материальных оснований.

Как показано в фильме «Tanguy», молодые люди севера Средиземного моря остаются у родителей до 30 лет. Другие вынуждены к ним возвращаться в силу утраты работы. Большинство молодых людей южного берега Средиземного моря ощущают остро потребность бегства от родительского авторитета и даже противостояния ему в то время, как возможность иметь работу, жилище и накопить на «потлач»<sup>2</sup> в своей женитьбе удаляется как мираж.

Данный фильм, получивший широкую известность, средствами искусства адекватно отражает реальную ситуацию во многих арабских странах. Согласно официально опубликованным данным, сейчас в афро-арабском мире на одну женщину-мать в среднем приходится 6,5 детей, из которых «на ноги» удастся поставить лишь одного, занимающего место отца в лавке или в поле. Самые бедные мужчины не имеют возможности жениться, так как не могут собрать – даже при помощи родственников – средства для уплаты выкупа за невесту. В результате огромная часть людей вливается в безликую массу маргиналов, люмпенов и попрошаек. Их

---

<sup>1</sup> Коммунитарная семья по-прежнему остается «нуклеарной», но стержневой в ней становится идея социальной ответственности родителей за воспитание детей.

<sup>2</sup> Потлач – традиционная церемония индейцев Тихоокеанского побережья. Он представлял своего рода войну за максимальное влияние и авторитет, в которой вместо обычного оружия использовались имущество и материальные ценности, принадлежавшие племени.

удельный вес в среде молодежи, по опубликованным данным, достигает 70%. В случае возникновения каких-либо кризисных ситуаций и социальных взрывов именно маргинальная молодежь выходит на улицу и составляет основную массу бунтующих и зачастую бесчинствующих [6].

В психологическом плане это вызывает очень большое беспокойство. Большая часть семей, способных дать образование своим детям, твердо верят в успех своих детей, благодаря институту образования. Эти же семьи обвиняют своих сыновей и дочерей в неспособности получить работу, что ведет к усилению социального и семейного давления. Нередко для некоторых молодых людей выходом из такой ситуации становится самоубийство. Другие же молодые арабы не имеют иного выбора, как впасть в традиционную религиозность, которая призвана облегчить психический вес императива социального и семейного успеха.

Со времени получения независимости молодые арабы каждый раз соприкасаются с этим моментом самоутверждения, а потом и своего возвращения к традиционным семейным и социальным давлениям по причине экономических кризисов и войн. Этому содействовали усиление влияния национализма и поддержка определенного числа социальных структур (семейные предприятия, аграрная экономика, зависимость от государства, клиентелизм и патриархальность и т.д.).

Наконец, в профессиональной сфере те, кто получили место в публичной сфере, утратили занятость в частном секторе, снова вынуждены испытывать давление физическое и психологическое, что связано с растущей эксплуатацией лиц наемного труда в условиях совершенствования публичного менеджмента.

### **Падение рождаемости: добровольный выбор как символ эмансипации**

Анализ причин снижения рождаемости является симптоматичным, если говорить о тенденции рассматривать культурные изменения арабских обществ как результат позитивной эволюции. Известный историк Э. Тодд, например, считает, что «общество, которое контролирует рождаемость, это общество, в котором отношения между мужчинами и женщинами изменились» [5].

Экономисты Вивьен Леви-Гарбуа и Жерар Маарек, в свою очередь, утверждают: «Женщины научились читать, вошли на рынок труда. Они не приемлют более бремени повторяемой беременности, когда их партнеры принимают их эмансипацию. Именно этот феномен можно видеть сегодня в Северной Африке и Ближнем Востоке» [10].

Такое изменение отношения к беременности и рождаемости не является единственным. Правда, показатели этого изменения существенно различаются по разным территориям и социальным группам. В реальности продолженная добрачная жизнь мужчин и женщин является результа-

том «мальтузианской ловушки»<sup>1</sup> в условиях экономического кризиса и молодежной безработицы. В 2005 г. Доминик Табютэн и Бруно Шумакер писали:

«Всего 30 лет назад средний возраст выхода замуж женщин был ранним – от 18 до 21 года в большинстве стран (за исключением Ливана, Израиля и Туниса, где он возрастал до 23 лет). За исключением Йемена, средний возраст вступления в брак составляет сегодня 22 года (Оман, Палестина, Саудовская Аравия, Иран, Ирак и Турция) и около или более 27 лет (Алжир, Тунис, Египет, Ливия и Катар)» [11].

Увеличение возраста вступления в брак женщин началось в 1960-е гг. в Тунисе, а в 1970-е гг. в Алжире и Марокко. В 2011 г. в Алжире и Тунисе этот возраст один из самых высоких. В среднем возраст матримониальных союзов превышает уже 30 лет. И эти молодые люди живут в семье. Далеко не все они имеют работу, особенно женщины, и испытывают семейный контроль над интимными отношениями молодых людей.

Это ведет к снижению числа детей в семье. Хотя стремление иметь детей в арабском мире остается на высоком уровне, тем не менее, снижение числа детей в семье является отражением эмансипации женщин, а также своеобразным ответом на материальные трудности. И это, к слову сказать, не вписывается в патриархальные традиции.

Снижение числа детей в семье на одну женщину отражает тенденцию индивидуализма и своеобразный отказ от коммунитарной модели семьи, обреченной на сельский труд и передачу наследства мужчинам по старшинству, что в арабском мире стало рассматриваться как некий «негатив». Вопреки проявлениям индивидуального освобождения «мое тело мне принадлежит, и я делаю с ним то, что хочу» или «я выйду замуж, если я хочу, когда захочу и рассчитываю пользоваться жизнью», падение рождаемости еще и следствие бедности и безработицы.

Требования исламистской идентичности в наши дни во многом совпадают с теми требованиями того же рода, что выдвигались в 1968 г., например во Франции. Подъем арабских движений протеста отражает стремление достичь достойных материальных условий жизни. Причем это строится на основе отрицания во многом сложившихся традиций и норм. Однако было бы неверным отождествлять требования «красного мая» 1968 г. во Франции и «жаркой осени» 1969 г. в Италии с требованиями арабской весны. Демографические трансформации лишь только имитируют западное

---

<sup>1</sup> Под «мальтузианской ловушкой» (*Malthusian Trap*) обычно понимается типичная для доиндустриальных обществ ситуация, когда рост производства средств к существованию не сопровождается в долгосрочной перспективе ростом производства на душу населения и улучшением условий существования подавляющего большинства населения, остающегося на уровне, близком к уровню голодного выживания.



демографическое поведение в силу того, что это поведение только наполовину является синонимом эмансипации.

### **Классовая борьба или борьба поколений?**

В рамках политического подъема на волне революций арабская молодежь вела глубоко либеральную культурную борьбу, в основе которой лежали требования свободы «быть» и «иметь». Однако поле действия для такой свободы, конечно же, было ограниченным. И это связано с теми ограничениями, которые накладывают на поведение молодых людей, с одной стороны, семейные традиции, а с другой – мусульманство.

В идеологическом плане выбор для молодых людей является также ограниченным. Он как бы зажат между марксизмом-ленинизмом с остатками трайбализма и этатизма, ницшеанскими убеждениями левых и правых, исламом и его версиями, которые представляются в СМИ, и теолого-политическими верованиями радикального толка, которые получили дополнительный импульс под воздействием войн против Ирака и его оккупации США и их союзниками.

Кроме того, у этой молодежи крупные трансформации поражают символическую и социоэкономическую ткань арабских обществ, что проявляется в смешении ролей мужчины и женщины и чувствах пауперизации и фрустрации, порождающей психологическую депрессию. Обозреватели отмечают, что в период экономического кризиса, который предшествовал революциям, получило распространение неуважение к страданиям других. Это неуважение призвано маскировать собственное страдание – форма банализации зла – и подчинение иерархии «стариков», менее образованных, связанные с «архаизмами» мысли и поведения. Это последнее является самым важным для понимания как фрустрации молодежи, так и ее революционной активности.

Для любого молодого человека нет ничего хуже, чем зависимость (финансовая или в вопросах занятости). Это чувство в сочетании с формой кризиса подростков выходит за рамки бунта. Это чувство отражает социальные, культурные и экономические трансформации общества. При этом молодежь арабского мира вынуждена терпеть геронтократию, что блокирует ее способность к персональной и профессиональной эмансипации.

Тем не менее, «новая» (читай: протестующая) арабская молодежь сильна численно. Однако она испытывает угрозу растущей пауперизации, к тому же не сильна она и в своих идеологических пристрастиях, а потому может становиться добычей авторитарных представлений старшего поколения.

Не удивительно, что многие представители бэби-бума встали на сторону арабской весны, как, например, профессор политических наук Каирского университета, который заявил, что «молодые люди за несколько не-

дель прошли такой же путь, как их родители – за 30 лет». И далее: «Если бы вы мне сказали несколько лет назад, что мои студенты станут мотором демократического изменения в Египте, я рассмеялся бы в ответ» [12].

Каково демографическое будущее арабской весны? Наверное, можно говорить о том, что «поколенческая революция», как иногда называют арабские революции, окажется успешной с точки зрения будущего молодых людей, если старшее поколение сможет быстро уступить свое место новому поколению. Правда, это время, судя по всему, еще не пришло, учитывая социологические характеристики политического персонала, оказавшегося в инстанциях транзита, например, в Египте и Тунисе.

---

1. Cf. Basbous A. Le tsunami arabe. – P., 2011. – P. 11.
2. Time Magazine. 17 février 2011. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,2050022,00.html>.
3. Cf. Béchir Ayari M., Geisser V. Renaissance arabes. 7 questions clés sur des revolutions en marche. – P., 2011.
4. Khader Bichara. La jeunesse? Votant des soulèvements démocratiques arabes. URL: <http://www.medeia.be/2011/05/la-jeunesse-moteur-des-soulevements-democratiques-arabes>.
5. Todd E. Allah n'y est pour rien! Sur les revolutions arabes et quelques autres. – P., 2011.
6. Васильев А.М. Рецепты арабской весны: русская версия / А.М. Васильев. – М., 2012. – С. 98 – 109.
7. Fargues Ph. Un siècle de transition démographique en Afrique méditerranéenne 1885 – 1985 // Population. – 1996. – № 2. – Vol. 41. – P. 205 – 232.
8. URL: <http://donnees.banquemondiale.org/indicateur/SE.ADT.LITR.ZS/>
9. Le Café pédagogique. 21 mars 2011.
10. Vivien Levy-Garboua, Gérard Maarek. «Printemps arabe» et transition démographique», Macropsychanalyse, 12 juin 2011. URL: [http:// Macropsychanalyse. Wordpress.com/2011/07/12/ printemps-arabe-et-transition-démographique](http://Macropsychanalyse.Wordpress.com/2011/07/12/printemps-arabe-et-transition-démographique).
11. Tabutin Dominique, Bruno Schoumaker. La démographie du monde arabe et du Moyen Orient des années 1950 aux années 2000. Synthèse des changements et bilan statistique // Population. – 2005. – Vol. 60. – P. 611 – 724.
12. Bobby Ghoch. Rap and Revolution: Inside the Arab Youth Quake // Time Magazine. 17 février 2011. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,2050022,00.htm>.

Попов Д. Г., Фокина В. В.

# Роль «глобальных городов» в современной системе международных отношений

**Попов Дмитрий Геннадьевич**

Санкт-Петербургский политехнический университет  
Доцент кафедры «Социально-политические технологии»  
Кандидат философских наук, доцент  
klacik\_p2@list.ru

**Фокина Вероника Викторовна**

Санкт-Петербургский политехнический университет  
Доцент кафедры «Социально-политические технологии»  
Кандидат политических наук, доцент  
vuf.spb@mail.ru

## РЕФЕРАТ

В статье рассматривается роль «глобальных городов» как особого пространства международных отношений, геоэкономических и геокультурных процессов в современном мире, одной из отличительных черт которых является активная роль в формировании и социализации властвующих элит.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобальные города, международные отношения, геоэкономика, геокультура, глобализация, элиты

Popov D. G., Fokina V. V.

## The Role of «Global Cities» in the Modern System of International Relations

**Popov Dmitry Gennadievich**

Saint-Petersburg Polytechnical University (Saint-Petersburg, Russian Federation)  
Associate Professor of the Chair of Social and Political Technologies  
PhD in Philosophy, Associate Professor  
klacik\_p2@list.ru

**Fokina Veronica Viktorovna**

Saint-Petersburg Polytechnical University (Saint-Petersburg, Russian Federation)  
Associate Professor of the Chair of Social and Political Technologies  
PhD in Political Science, Associate Professor  
vuf.spb@mail.ru

## ABSTRACT

This work is a review of global cities' role as the specific space of international relations, geo-economical and geocultural processes in the modern world.

## KEYWORDS

global cities, international relations, geo-economics, geoculture, globalization, elite

Процессы глобальной трансформации мировой политической и экономической системы в условиях современного финансового и ценностного кризиса затрагивают всех участников международных отношений. Государственные акторы мировой политики соперничают за признание своих принципов, ценностей и геополитических идей в качестве главенствующих для участников глобального и регионального взаимодействия.

В то же время современная система международных отношений, международное право и международные организации во главе с ООН не позволяют обеспечить

полного военного и политического контроля государствам и институтам «центра» над государствами и негосударственными участниками «периферии». Прямой контроль заменяют практики «мягкой» и «умной» силы, а также концепты элитарного управления на основе кооперации, консенсуса и региональной интеграции.

В условиях возрастания конкурентной борьбы за материальные и нематериальные ресурсы перед властвующими элитами остро стоит проблема лидерства в представлении интересов региона на уровне отношений центр — регионы, регион — регионы, регион — глобальный мир. Особой средой формирования политической, экономической и социальной элит в регионах в настоящее время стали глобальные города. В этой связи представляется интересным проанализировать роль «глобальных городов» (global cities) [6] в системе глобального управления и формирования глобальной элиты.

Глобальный город (используются также термины «мировой город» и альфа-город) — это город, считающийся важным элементом мировой экономической системы. Термин «глобальный город» подразумевает урбанизированный регион, оказывающий глобальное воздействие на основе следующих направлений.

1. Город выступает в качестве центра повышения качества территориального управления, точки роста для страны и региона, выступая на международной арене в форме «ворот» в глобальный мир.
2. Город выступает в качестве важного элемента региональной и мировой экономической сетевой структуры, повышая конкурентоспособность национальной и региональной экономик.
3. Город оказывает значительное влияние не только на регионы своего местоположения, но также на макрорегионы планеты, на цивилизацию в целом, так как современный концепт западной цивилизации был основан на базе городской сети средневековья.
4. В современном мире города выступают в качестве региональных коммуникационных центров, центров престижного потребления и взаимодействия элит глобального, регионального и локального (территориального) уровня.
5. Современные глобальные города являются центрами воспроизводства знаний и обучения новых специалистов благодаря развитой и высококомобильной образовательной среде.

Глобальный город — это постиндустриальный центр, максимально интегрированный в мировую экономику. Среди основных критериев глобального города, по нашему мнению, следует выделить следующие.

1. Уровень деловой активности — интенсивность коммуникационного взаимодействия элит, возможности по формированию групп интересов и групп давления на основе отраслевых и региональных интересов. Количество отраслевых и экономических конференций, которые проходят в городе и напрямую влияют на уровень требований, предъявляемых к подготовке и знаниям региональных элит, и вопросы регионального и глобального лидерства.
2. Человеческий капитал — количество научно-образовательных кластеров, высших образовательных учреждений входящих в число ведущих «центров знания» мира; число иностранных студентов, аспирантов, обучающихся в вузах; количество НИЦ и научных школ мирового уровня.
3. Информационный капитал — объем международных новостей в ведущих местных СМИ; информационная и коммуникационная инфраструктура, включая Интернет, количество корреспондентских пунктов СМИ глобального значения, базирующихся в данном городе.
4. Культурный капитал — количественный и качественный показатель туристической привлекательности; музейных и выставочных площадок, а также других культурных учреждений мирового уровня; участие в международном олимпийском дви-

жении, проведение специальных мероприятий в области спорта и специальных событий в сфере культуры и искусств.

5. Политический вес — степень участия и значимость города в международной политической деятельности, например, число иностранных посольств, консульств, представительств международных организаций; уровень международных конференций, проводимых в городе; количество центров политических и международных исследований.
6. Инновационный потенциал — количество заимствованных практик города другими городами и регионами, количество прорывных открытий, технологий, патентов, доказавших свою эффективность на международном уровне.
7. Инвестиционный капитал — объем инвестиций, количество офисов иностранных компаний, число заключенных контрактов и договоров при участии иностранного капитала.

Удовлетворяющие вышеизложенным критериям города замкнуты в единую сеть геополитических центров, пояс городов «центра». Именно в них концентрируется подавляющая часть штаб-квартир межправительственных, а также неправительственных организаций. Исходя из критериев, предъявляемых к номинантам на звание глобальных городов, в РФ на данную роль подходят Москва и Санкт-Петербург.

Проблема становления новых властных групп в условиях глобализации привела к переосмыслению роли глобальных городов, как пространства не только для краткосрочных представительских, деловых, научных и иных контактов элит, но и основы для обучения представителей элитарных групп наднационального уровня и базы для интеграционных процессов. Новые глобальные элиты представляют собой лиц, занимающих наиболее значимые позиции в важнейших глобальных институтах, которые принимают стратегические решения относительно функционирования отдельных регионов, используя при этом ресурсы, предоставляемые глобальными городами: социальные, экономические, политические, административные, географические, информационные, что означает их влияние на важнейшие процессы современности.

Нельзя не учитывать, что критерием эффективности современных региональных интеграционных образований принято считать качественные и количественные показатели активности в рамках экономических, социальных, правовых, административно-силовых и культурно-информационных интеграционных институтов межправительственных и неправительственных организаций, а центрами и символами такого регионального взаимодействия выступают «узлы» — «глобальные города» [1]. Нельзя также забывать и о «регионах — воротах в глобальный мир» [3], под которыми, в первую очередь, по нашему мнению, могут подразумеваться крупнейшие городские агломерации развивающихся стран. По мнению одного из ведущих специалистов в данной области Н. А. Слуки, «центрами нового мирового сообщества стали глобальные города. Агломерации, наделенные колоссальными финансовыми, управленческими, информационными и политическими функциями. Ни одна страна мира не может быть в числе лидеров, если не имеет хотя бы одного глобального города» [4].

Особенную роль играют глобальные города для формирования властвующих элит, функционирования ТНК, в них сосредоточено управление, анализ, обмен и доступ к экономическим, природным, информационным, трудовым и политическим ресурсам. Согласно списку Global-500<sup>1</sup>, в совокупности на них приходится более четверти всех штаб-квартир транснациональных корпораций (ТНК) из числа 500 крупнейших в мире, а с учетом роли региональных представительств, лоббистских и дочерних структур именно глобальные города являются основным пространством жизнедеятельности корпораций и элит.

<sup>1</sup> Fortune. Global 500 [Электронный ресурс]. URL: <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/>

Глобальные города обладают особой геокультурной ролью в современном мире. Являясь частью глобальной коммуникационной сети, глобальные города выступают как центры или проводники «зон культурного престижа» [5] ведущих экономических, политических, культурных акторов. В них стремятся представители стран третьего мира в поисках лучшей жизни и представители первого мира с целью получения прибыли, образования и признания. Глобальные города располагают научно-образовательными центрами, замкнутыми в единую систему академической мобильности.

Глобальные города становятся ориентирами для потребления, качества жизни и идентификации. В них происходит научно-культурное развитие, взаимодействие науки, бизнеса и государства, а также формирование информационной повестки глобального человечества. «Сегодня города стали местом столкновения представителей разных социальных слоев, людей с разным происхождением, и нет четких правил, по которым они должны взаимодействовать. Это пространство неясности, открытое для интерпретации. Это и было важным свойством фронтиров тогда, когда они находились на окраинах империй. А сегодня это свойство больших городов. Такое пространство трудно контролировать, но оно заставляет людей задуматься о том, кто они есть, по каким правилам они хотят существовать» [2].

Не менее интересен тот факт, что глобальные города по многим критериям соответствуют экономическим и регионоведческим понятиям регионов-локомотивов и регионов-государств. Обладая прямыми связями с глобальной экономикой и населением, обладающим особыми качествами, глобальные города под давлением стандартов транснационального бизнеса все более утрачивают национальную культурную самобытность и связи с окружающими территориями. Они становятся центрами новой культуры глобального уровня, разделяющими общие экономические и потребительские интересы от Нью-Йорка до Шанхая.

Глобальные города выполняют также функцию канала распространения юридических кодексов, алфавита, религии, требований граждан, союзнических отношений и т. д., тем самым становясь ядром и движущей силой истории, во многом определяющими территориальное деление и структуру современного мира.

В современных международных отношениях в качестве субъектов геоэкономического взаимодействия могут выступать не только национальные государства, но и «глобальные города» и «новые регионы», наднациональные элиты, международные организации, ТНК, сетевые финансовые и производственные группы и коалиции и т. д. Спецификой геоэкономической и геостратегической ситуации в современном мире является наличие сильных, конкурирующих с разнообразными ресурсами участников региональных и мировых процессов — крупнейших городов-регионов современного мира с их глобализированными элитами. Образуя наднациональные сети и выступая в качестве центров геокультурных и геоэкономических пространств и «витрин», глобальные города и их представители продвигают универсальные на данный момент ценности в регионах ядра и на периферийных территориях.

## Литература

1. *Глобальный город: теория и реальность* / под ред. Н. А. Слуки. М. : Аванглион, 2007. 243 с.
2. Сассен С. Город никто не может контролировать [Электронный ресурс] // Огонек. № 25(5285). 01.07.2013 // Коммерсант.ru URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2218969/print>
3. Сергеев В. Ворота в глобальный мир [Электронный ресурс] // Русский Архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/megatrend/gates/>
4. Слука Н. Глобальные города [Электронный ресурс] // Эксперт онлайн // URL: [http://expert.ru/expert/2008/15/globalnue\\_goroda/](http://expert.ru/expert/2008/15/globalnue_goroda/)

5. *Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact* // International Sociology. 2002. Vol. 16(3).
6. *Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton U.P., 2001.

## References

1. The Global City: *The Theory and Reality* [Global'nyi gorod: teoriya i real'nost'] / ed. by N. A. Sluki. M. : Avanglion. 2007. 243 c.
2. Sassen S. *Nobody can control the city* [Gorod nikto ne mozhet kontrolirovat'] [An electronic resource] // Ogonek. № 25(5285). 01.07.2013 // Коммерсант.ru: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2218969/print>
3. Sergeev V. *Gateways to the Global World* [Vorota v global'nyi mir] // [An electronic resource]. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/megatrend/gates/>
4. Sluka N. *The Global Cities* [Global'nye goroda] [An electronic resource]. URL: [http://expert.ru/expert/2008/15/globalnue\\_goroda/](http://expert.ru/expert/2008/15/globalnue_goroda/)
5. *Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact* // International Sociology. 2002. Vol. 16(3).
6. *Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton U.P., 2001.

DOI: 10.18721/JHSS.9303

УДК 327+101.1:316

## ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОРОД КАК ЦЕНТР ГЛОБАЛЬНЫХ УСЛУГ\*

Д.Г. Попов, И.Д. Жабенко

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,  
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье дан анализ роли глобальных городов в контексте реальных международных отношений и прогнозируемого образа города как коммуникационной единицы. Особое внимание уделено социогуманитарной составляющей субъектности городов в виде агломерационных территорий. Рассмотрены специфика агломерационного дискурса и роль глобальных городов в реализации политических, экономических и социальных практик современности, обозначены уровни агломерационного взаимодействия применительно к международному рынку услуг. Представлены особенности функционирования городов как центров дипломатической активности и как центров науки и образования, культуры и коммуникации. Выделены группы общественности, которые могут выступать в качестве субъектов, объектов и инструментов публичной дипломатии. В результате исследования выявлена и обоснована необходимость анализа города как поставщика глобальных услуг с целью построения эффективного долгосрочного планирования. Авторами статьи предложена матрица для составления рейтинга городов как агентов государств и самостоятельных игроков в процессе реализации коммуникационной стратегии «мягкой силы» и публичной дипломатии.

**Ключевые слова:** глобальные города; глобальные услуги; агломерация; публичная дипломатия; «мягкая сила»; прогнозируемый образ города

**Ссылка при цитировании:** Попов Д.Г., Жабенко И.Д. Глобальный город как центр глобальных услуг // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 28–38. DOI: 10.18721/JHSS.9303

## GLOBAL CITIES AS A CENTER OF GLOBAL SERVICES

D.G. Popov, I.D. Zhabenko

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The goal of this article is to analyze the role of global cities in the context of real international relations and the projected image of a city as a communication unit. In the course of the study, we have considered the peculiarities of the agglomeration discourse and the role of global cities in political, economic and social practices of the present time; we have also highlighted the levels of agglomeration interaction in relation to the international service market. We have presented the specifics of city functioning as centers of diplomatic activity, science and education, culture and communication. We have also identified groups of public that can act as subjects, objects and tools of public diplomacy. As a result, we have revealed and substantiated that analysis of the city as a

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-0300799).



provider of global services has to be carried out, along with constructing effective long-term planning.

**Keywords:** global cities; global services; agglomeration; public diplomacy; soft power; projected city image

**Citation:** D.G. Popov, I.D. Zhabenko, Global cities as a center of global services, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 28–38. DOI: 10.18721/JHSS.9303

### Введение

Одна из ключевых тенденций развития территорий в современном мире — это процесс урбанизации. Интенсивные процессы образования городских агломераций и их развития вызывают вопросы не только у урбанистов, социологов и управленцев, они становятся предметом обсуждения в целом в рамках социальной философии, политической науки и социологии. Новое городское пространство выступает средой для формирования глобальной элиты и глобальной системы нового управления, новых и модернизирующихся социальных практик. Города играют ведущую роль в совершенствовании всех сфер человеческой жизнедеятельности: экономической, социальной, политической, культурной. Количество и качество городского пространства структурируют и определяют не только внутриполитическую направленность государственной и региональной деятельности властей, но и внешнеполитическую, поскольку агломерации, конурбации и мегалополисы как территориальные образования становятся полноправными субъектами международных отношений, зонами культурного престижа и центрами, где формируются облик и образ будущего как на глобальном, так и на национальном уровне.

Изменчивость геополитического и геоэкономического пространства вынуждает исследователей использовать огромное количество критериев и оценок для выделения и изучения глобальных городов, в результате чего в научной литературе можно встретить множество терминов, описывающих такие города: мегаполис, мировой город, альфа-город, глобальный город и др.

Исходя из анализа существующих теоретических и эмпирических исследований, можно сделать вывод, что глобальный город представляет собой региональный центр, обладающий

значительным уровнем деловой активности, человеческим, информационным и культурным капиталом, развитой инфраструктурой и инновационным потенциалом. В этой связи город — это и «ворота в глобальный мир», что позволяет при наличии достаточных оснований говорить о роли города-региона в мировой политике. Наиболее интересным нам представляется вопрос о социогуманитарной составляющей субъектности городов в виде агломерационных территорий. Рассмотрим вопросы, связанные с возможностями агломераций по проведению в жизнь решений, касающихся дипломатии, а также культурной и научно-образовательной деятельности.

### Постановка проблемы и цели исследования

Термин «мировой город» был введен в научный оборот ученым-урбанистом П. Геддесом в 1915 г. в труде «Эволюция городов», где он анализирует опыт средневековых городов-государств и пытается обнаружить похожие черты в современных городах, имеющих наибольшее влияние. Особым признаком мирового города является не только сила его влияния, но еще и его многовековая история. Постепенно теория «мировых городов» замещается теорией «глобальных городов». Автором новой теории стала С. Сассен, развившая идеи П. Дикена и Дж. Фридмана. Дикен подошел к проблеме со стороны геоэкономики и в своем главном труде «Global Shift: The Internationalisation of Economic Activity» [1] сосредоточил внимание на роли городов в производственных цепочках транснациональных корпораций. Для него глобальный город — это в первую очередь центр, выполняющий интернациональные экономические функции. Согласно Фридману, глобальные города — «города с явным доминированием в экономике прежде всего финансовой сферы и сектора услуг. Они тесно связаны системой коммуникаций и финансовыми транзакциями

и вместе составляют всемирную систему контроля над рыночной экспансией» [2].

Основные идеи теории Фридмана заключаются в следующем:

1) глобальный город имеет возможность интеграции в мировую экономику путем взаимодействия с мировым капиталом, он концентрирует в себе капитал, а также предоставляет площадку для осуществления функции контроля над капиталом;

2) глобальный город стремится к концентрации человеческих ресурсов;

3) глобальный город примечателен значительной поляризацией населения, как социальной, так и территориальной;

4) вследствие развития и роста глобальных городов финансовые возможности государства перестают покрывать их социальные издержки.

Но современный интерес к тематике исследования городов как самостоятельных субъектов мировой политики связан в первую очередь с работами С. Сассен [3] и П. Тейлора [4].

Во многом опираясь на идеи Фридмана, Сассен акцентирует внимание на роли городов

в процессах управления мировой экономикой. Международное разделение труда, как одно из следствий глобализации, привело к появлению «центров оказания высокотехнологичных услуг», которыми и являются глобальные города. Суммируя идеи Сассен и других исследователей, можно выделить виды услуг, оказываемых глобальным городом (см. табл. 1).

Группа международных исследователей – «Исследовательская группа глобализации и мировых городов» (Globalization and World Cities Study Group, GaWC) [5] во главе с П. Тейлором составила на основе работ С. Сассен рейтинг городов. Работа группы стала мостом от теоретического изучения глобальных городов к эмпирическому.

Сегодня существует множество классификаций городов по объему влияния, которые складываются на основе выделения их важнейших функций, механизмов их воздействия на мировые экономические потоки и политику. Среди классификаций можно выделить Индекс глобальных городов (The Global Power City Index – GPCI [6]), выпускаемый Институтом

Таблица 1

**Услуги, предоставляемые глобальными городами**  
**Services provided by global cities**

| Вид услуг                                               | Способ реализации                                                                                                                                                                                                        |
|---------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Услуги в сфере дипломатии                               | Место присутствия дипломатических представительств других государств (наличие посольств и консульств), штаб-квартир и представительств межправительственных и неправительственных международных организаций (ММПО, МНПО) |
| Финансовые услуги                                       | Размещение штаб-квартир транснациональных корпораций и банков, торговых площадок, инвестиционных компаний и рейтинговых агентств                                                                                         |
| Деловые услуги                                          | Центры деловой активности и деловой инфраструктуры, пространство присутствия юридических фирм, рекламных и маркетинговых агентств, медиакорпораций                                                                       |
| Услуги в политической сфере                             | Размещение важнейших государственных структур, политических партий, размещение штаб-квартир ММПО и МНПО. Центры политических маркетинговых и социальных исследований. Территория, где происходит «политическая история»  |
| Услуги в сфере культуры и туризма                       | Проведение культурных мероприятий, предоставление необходимой инфраструктуры, создание модных трендов. Важнейшие центры культурного престижа и социализации населения                                                    |
| Услуги в сфере науки и образования                      | Центры коллективного пользования научным оборудованием, университеты (академическая мобильность профессорско-преподавательского состава и студентов)                                                                     |
| Услуги в форме проектирования образа желаемого будущего | Разработка и моделирование, апробирование концепта «умные города», «технополисы», создание новых форм инфраструктуры и моделей социального поведения                                                                     |

стратегии развития городов совместно с Фондом им. Мори в Токио, и аналитические материалы Исследовательской группы глобализации и мировых городов (Globalization and World Cities Study Group — GAWC).

Результаты исследований с нашим участием по теме статьи представлены в работе 2015 г. «Роль глобальных городов в современной системе международных отношений» [7].

Феномен города как политической, социальной и экономической единицы мировой системы в условиях трансформации международных отношений и перехода к новому технологическому укладу представляет собой интересный предмет исследований. Ключевые вопросы — какую именно роль возьмет на себя данный субъект и каковы инструменты его взаимодействия с окружающей реальностью?

В отличие от европейских городов Средневековья и раннего Нового времени современные города не обладают военными ресурсами, их удел — экономика, технологии и политика, мода и формирование образов будущего. Кроме того, города стали важнейшими демографическими и социальными объектами политических, социальных и экономических субъектов. Города представлены в виде столичных округов, регионов, единиц административно-территориального деления. Но могут ли города сами стать субъектами международных отношений и какова их роль с точки зрения формирования рынка глобальных услуг?

Теория и практика «глобальных городов» и проблема их субъектности насчитывает уже несколько десятилетий. Города, и в первую очередь «города-регионы», «города-государства», «глобальные города» и города — «ворота в глобальный мир», стали по-настоящему узлами новой глобальной экономики, политики и новой социальной реальности, что позволяет нам рассмотреть в работе качественные изменения в характере воздействия агломераций на современные политические и социальные процессы в условиях текущего этапа глобализации.

### Методология

Дж. Най рассматривает «мягкую силу» через призму представления и продвижения национальных интересов и ценностей на международной арене, но потребность отстаивания интересов может возникать и внутри государ-

ства, на региональном уровне. Поэтому можно расширить применение данного понятия и на города, тем самым раскрыв его многогранность и возможность применения на разных уровнях территориальных образований. Исследователь считает, что в этом смысле в мировой политике важно формировать повестку дня и привлекать других, а не только заставлять их меняться, угрожая военной силой или экономическими санкциями. Такая мягкая сила, благодаря которой другие хотят того же, что и вы, не принуждает, а привлекает людей [8]. Специфика реализации «мягкой силы» на различных уровнях территориальных образований представлена в табл. 2.

По нашему мнению, следует раскрыть ключевые аспекты воспроизводства «мягкой силы» посредством городов.

Для объяснения возможности участия глобального города в реализации государственной стратегии «мягкой силы» нужно обозначить несколько подходов к определению города:

- 1) город как место концентрации развитых инфраструктурных сетей;
- 2) город как среда обитания «глобального общества»;
- 3) город как система статусов и среда профессионализма;
- 4) город как мир горожан;
- 5) город как бренд.

Все эти подходы к определению города в совокупности характеризуют город как сложную, многокомпонентную систему, способную функционировать в качестве субъекта глобального рынка услуг и участника международных политических процессов. Публичная дипломатия реализуется через выстраивание множества горизонтальных связей на академическом, культурном, общественном уровнях. Сетевой подход к анализу концепции «мягкой силы» позволяет включить глобальные города в список участников ее реализации. Такие города играют значимую роль в процессе воспроизводства составляющих «мягкой силы» — идеологии и культуры.

Интересной представляется также методология исследований, предложенная в рамках проекта «Global Power City Index 2017 Summary» [9]. В этом междисциплинарном исследовании используются структурно-функциональный и мотивационный методы. Выделяются следующие

Таблица 2

**Специфика реализации «мягкой силы»  
Specificity of the implementation of “soft power”**

| Уровень           | Субъект                                                                                  | Объект                                                                              | Цели                                    | Значение                                                  |
|-------------------|------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------|-----------------------------------------------------------|
| Планетарный       | Сетевая структура агломераций                                                            | Глобальные интересы и глобальные проблемы современности                             | Совместное решение глобальных проблем   | Глобальный город                                          |
| Макрорегиональный | Макрорегиональные агломерационные системы (трансевропейский мегалополис «Голубой банан») | Проблемы диспропорции развития макрорегиона                                         | Распределение труда и ресурсных потоков | Центр макрорегионального развития                         |
| Национальный      | Агломерационные коридоры (Санкт-Петербург – Москва)                                      | Достижение баланса интересов государства и региона во внутренней и внешней политике | Разрешение конфликта интересов          | Зона культурного престижа и политической коммуникации     |
| Региональный      | Агломерация (Московская агломерация)                                                     | Проблемы распределения ресурсов, предоставляемых центром и инвесторами              | Разрешение конфликта «регион – регион»  | Социально-административный центр, ворота в глобальный мир |
| Локальный         | Внутренняя структура агломерации (муниципалитеты, районы)                                | Проблемы внутреннего развития территории                                            | Городское развитие                      | Место жизни, учебы, работы, досуга                        |

функции: Economy, R&D, Cultural Interaction, Livability, Environment, Accessibility, а также субъекты, влияющие на городское развитие: Manager, Researcher, Artist, Visitor, Resident.

**Результаты исследования**

**Города как центры дипломатической активности.** Функционирование системы международных отношений обеспечивается при помощи дипломатии. Установление между государствами дипломатических отношений влечет за собой обмен дипломатическими представительствами. Количество представительств зависит от интенсивности межгосударственных связей. Как правило, они учреждаются в столице и стратегически важных городах страны.

Продолжая изучение роли городов в дипломатических связях между государствами, можно отметить, что процессы глобализации и нарастание взаимозависимости акторов мирополитической системы привели к появлению нового типа дипломатии — многосторонней, подразумевающей участие более двух сторон в процессе обсуждения и поиска решения проблемы. Мно-

гостороннюю дипломатию еще часто называют конференционной, так как она осуществляется в рамках специально созванной конференции, саммита, комиссии, семинара и т. п. В связи с этим город и городская инфраструктура задействуются при решении организационных и технических проблем, связанных, например, с местом проведения, размещением делегаций, предоставлением необходимых условий для работы.

При учете активности города также следует принимать во внимание количество сделок и договоров, подписанных в городе, проходящие в нем мероприятия и конференции. Высокий уровень политической активности города идентифицируется прежде всего через расположение в нем штаб-квартир и представительств международных структур — межправительственных и неправительственных международных организаций. В рейтинге по количеству штаб-квартир международных межправительственных организаций безоговорочным лидером является Нью-Йорк, в котором находятся ООН и ряд ее крупных структурных подразделений.

Стоит отметить, что развитая инфраструктура и транспортная доступность делают глобальный город привлекательным местом для размещения в нем главных офисов неправительственных организаций и движений, имеющих преимущественно транснациональную основу. Выгодное геополитическое положение и разветвленные политические, экономические и культурные связи глобального города используются акторами как крупный стратегический ресурс, приобретающий особое значение в рамках стратегического партнерства с государствами, на территории которых расположены города.

**Города как центры науки и образования.** Глобальные города являются центрами мирового масштаба в сфере развития науки и технологий. Во-первых, город — потребитель инноваций и новых технологий. Ему требуются инновации для решения как локальных задач (обустройство и развитие городской среды), так и глобальных (развитие транспортных и коммуникационных каналов, безопасность, защита окружающей среды). Во-вторых, глобальный город выступает в качестве «региона-эскалатора» [10] планетарного масштаба. Именно в нем готовятся специалисты для различных научных областей. Глобальный город является также основным поставщиком инновационных решений, креативных научных кадров.

Экономическое развитие в значительной мере опирается на сектор предоставления научных услуг. В городах располагаются и центры коллективного пользования, аффилированные к НИИ и университетам, что находит отражение в научных статьях, которые публикуют ученые. Получается, что «большая наука» делается в крупных научных центрах, располагающихся в глобальных городах. Это служит фактором миграции исследователей и ученых не только из России, но и из других стран мира.

Однако академическая мобильность затрагивает не только профессорско-преподавательский состав, но и студентов. Молодежную миграцию можно классифицировать разными способами. Самая многочисленная — это внутренняя миграция абитуриентов. По данным Комитета по науке и высшей школе правительства Санкт-Петербурга, в 2017 г. в вузы Северной столицы поступили порядка 70 % иногородних абитуриентов [11]. Это свиде-

тельствует о том, что города являются местом притяжения молодежи, в том числе перспективной и талантливой, но и порождает проблему нехватки общежитий и обостряет адаптационные процессы первокурсников к жизни в новом городе. Такие же проблемы появляются при внешней миграции абитуриентов, но по сравнению с внутренней она носит гораздо более скромный характер.

В условиях глобализации активизируется краткосрочная мобильность студентов. Ведущие вузы мира сотрудничают друг с другом и заключают договоры на проведение стажировок, обменных программ, программ двойного диплома. Это обеспечивает ротацию носителей знаний разных научных школ стран мира, что насыщает исследования новыми идеями и подходами, стимулирует развитие научного знания именно в глобальных городах, потому что региональные центры часто не имеют развитой научной инфраструктуры, следовательно, они менее конкурентоспособны перед глобальными научными центрами (в России ими являются не только Москва и Санкт-Петербург, но и Новосибирск, Томск, Владивосток и др.). В соответствии с этими же критериями проводится академическая мобильность исследователей и профессорско-преподавательского состава, подтверждением чему служит реализуемый Министерством образования и науки проект мегагрантов.

Развитие науки и образования стимулируют и местные власти, если это позволяет бюджет. Так, Комитет по науке и высшей школе Санкт-Петербурга осуществляет грантовую и стипендиальную поддержку как в системе среднего профессионального, так и в системе высшего образования, поддерживает молодых и уже состоявшихся ученых. Всё это формирует облик региона как центра образования и науки.

**Города как центры культуры.** В условиях глобализации конкурентным преимуществом города является обладание значительным культурным наследием. Всё чаще отмечается связь между высоким уровнем культуры и уровнем экономического развития. В глобальном городе предложение в сфере культуры выступает одним из элементов экономики. Обладание значительным культурным капиталом позволяет участвовать в проведении крупных мероприятий в



сфере культуры и искусства и активно развивать необходимую инфраструктуру для размещения туристов. Глобальный город выступает как центр «зоны культурного престижа» [12, с. 421], ориентир в уровне качества жизни. Можно сказать, что глобальный город становится и центром туристической деятельности, что проявляется в увеличении масштабов туризма и интенсивности туристических потоков.

Р. Коллинз рассматривает цивилизацию как «зону престижа», которая обладает сетевой структурой, образованной социальными контактами и потоками людей. Цивилизация как «зона престижа» отличается от цивилизации как культурной единицы. Цивилизация, по Коллинзу, выступает источником самоидентификации для представителей этой цивилизации, а также притягивает к себе тех, кто находится за ее пределами. В рамках этой теории города рассматриваются как цивилизационные центры — «зоны культурного престижа» цивилизаций, а цивилизация — как регион влияния глобального города.

На формирование «зон культурного престижа» влияют следующие факторы [13, с. 115]:

- уровень экономического развития, достаточный для обеспечения производства культуры;
- исторические предпосылки, культурное миссионерство;
- наличие множества социальных сетей, их пересечений;
- наличие стратегии развития, в том числе в области культуры;
- участие в системе отношений с другими культурными центрами, активное восприятие.

Глобальный город обладает достаточной экономической и инфраструктурной основой, а также достаточным спросом для воспроизведения культуры. В нем происходит пересечение множества глобальных сетей: научных, политических и т. д. Примером пересечения может служить обучение или повышение квалификации зарубежных специалистов, культурный обмен и т. п.

**Города как центры коммуникации.** Еще одна важная составляющая роли глобальных городов в концепции «мягкой силы» — это предоставление актерам коммуникаций для ее реализации. Основным каналом распространения «мягкой силы» являются коммуникационные

сети СМИ. Объем информационного обмена между городами позволяет актерам наиболее эффективно транслировать свои идеи и ценности предельно большим аудиториям. Также мы можем наблюдать неравномерность распределения информационных ресурсов в мире. Абсолютное большинство СМИ глобального значения расположены в глобальных городах. Техническая сторона вещания полностью зависит от возможностей сетей коммуникаций. Глобальный город в силу своего технологического и инфраструктурного развития может предоставить СМИ новейшие системы распространения информации. Таким образом, он принимает участие в создании и контроле информационных потоков, а значит, и в формировании глобальной повестки дня. К тому же авторитет глобального города усиливает статус новостей. Особое геополитическое положение дополняется способностью создавать, хранить и передавать колоссальные объемы информации. Глобальный город является сервером — местом хранения информации в мировом масштабе.

Инструментами города по распространению своего влияния служат мировые медиакорпорации, рекламные агентства, киностудии, глобально распространяющие информацию, в большинстве своем приобретающую политическую окраску. То, как город может быть использован актерами в качестве проводника «мягкой силы», зависит от «потенциала идеологической консолидации» [12, с. 430]. Любое общество имеет исторически сложившуюся систему ценностей, значимых символов и культурных стереотипов. «Потенциал идеологической консолидации» показывает степень готовности общества принять новые идеи, отличные от традиционных.

Кроме того, глобальный город выделяется концентрацией политической, административной и финансовой элиты. Под воздействием внешнего влияния происходит унификация жизни в пространстве глобальных городов. Культура города всегда была подвержена влиянию миграционных потоков, а глобализация в разы усилила это влияние. Одновременно с этим глобальные города задают уровень потребления для всего мира. С каждым годом в них съезжается всё больше и больше людей, причем как из развивающихся стран, так и из развитых. Такие города дают возможность получить признание,

развитие и более высокие доходы. Этот тезис подтверждается показателями урбанизации.

Глобальные города активно продвигают и популяризируют «городской» образ жизни. При этом такие города практически никогда не попадают в рейтинги по уровню «качества жизни» — причины их притягательности лежат в другой плоскости. Магнетизм города основан на предложении человеку огромного спектра возможностей для самореализации. Пространство глобального города — это высокотехнологичная среда, непрерывные процессы производства, моментальная коммуникация.

Насаждению и популяризации «глобально-го» образа жизни также активно способствуют транснациональные корпорации (ТНК). Для компании гораздо выгоднее иметь стандартизированный рынок, а не подстраиваться под национальную специфику. Но даже если компания идет по пути разработки специальной концепции продвижения своего товара, учитывая особенности рынка той ли иной страны, ей гораздо легче работать, используя ресурсы глобального города.

### Заключение

В результате исследования мы предлагаем матрицу для составления рейтинга городов как агентов государств и самостоятельных игроков в процессе реализации коммуникационной стратегии «мягкой силы» и публичной дипломатии. Высшая фаза развития города — агломерация — это глобальный город или, как его еще называют, мировой город или альфа-город. Критерии, идентифицирующие данные важнейшие с экономической точки зрения урбанизированные регионы, аргументируют тезис о функционировании городов как субъектов публичной дипломатии и проводника «мягкой силы» на следующих основаниях:

1. Культура — количество и качество продуктов, производимых в сфере культуры (количество международных культурных обменов и мероприятий, объем туристических потоков).

2. Наука и образование — количество учебных заведений и научных институтов мирового уровня; количество программ обмена; наличие и количество грантов, выдаваемых муниципальными властями зарубежным ученым.

3. Дипломатия — оценка ресурсов города в сфере дипломатии и потенциал влияния в ре-

шении глобальных вопросов (обладание статусом столицы; число дипломатических представительств; участие муниципального уровня власти в международных мероприятиях; предоставление городом площадки для проведения международных мероприятий).

4. Коммуникационная среда — привлекательность города как места для жизни, досуга, взаимодействия, создания информации и обмена ею.

Если же включить в общую совокупность вопросы, связанные с ролью глобальных городов в современном мире, то мы можем увидеть следующее:

1. Уровень деловой активности — интенсивность коммуникационного взаимодействия элит, возможности по формированию групп интересов и групп давления на основе отраслевых интересов. Площадками для урегулирования баланса интересов могут стать международные или национальные отраслевые и экономические конференции, которые проводятся на платформе конурбаций.

2. Человеческий капитал — количество научно-образовательных кластеров, высших образовательных учреждений, входящих в число ведущих «центров знания» мира, наукоградов; студенты, аспиранты, преподавательский состав. Формирование научной, политической, экономической элиты происходит на базе глобальных городов, которые предлагают огромное количество возможностей для реализации собственного потенциала и включения в агломерационную среду в качестве ее полноценного и активного субъекта.

3. Информационный капитал — доля освещения международных новостей в ведущих местных СМИ, информационная и коммуникационная инфраструктура, количество корреспондентских пунктов СМИ глобального значения, базирующихся в данном городе. Именно в городах создаются информационные поводы, усиливаемые статусом столичности. Также агломерация сама по себе является брендом, что подразумевает наличие коммуникационных полей с высокой плотностью информации.

4. Культурный капитал — количественный и качественный показатель туристической привлекательности, музейных и выставочных площадок мирового уровня, участие в международных культурных проектах.

Наглядным примером диалога культур на агломерационном уровне является проведение выставки «Прадо в Эрмитаже» в Санкт-Петербурге и выставки «Шедевры Эрмитажа» в Мадриде в 2011 г. С точки зрения публичной дипломатии таким образом (в данном случае посредством неправительственных культурных организаций) осуществляется поток информационного межкультурного общественного обмена.

5. Политический вес — степень участия и значимость города в международной политической деятельности; уровень международных конференций, проводимых в городе; количество центров политических и международных исследований. Государственные акторы, концентрирующиеся в агломерациях, являются неотъемлемыми субъектами и публичной, и традиционной дипломатии.

6. Инновационный потенциал — количество прорывных открытий и технологий, доказавших свою эффективность на международном уровне и заимствованных другими городами и регионами. Осознание агломерационной идентичности происходит не только на уровне взаимодействия научных кластеров, но и на бытовом социальном уровне, что в обоих случаях является инструментом публичной дипломатии.

7. Инвестиционный капитал — объем инвестиций, количество офисов иностранных компаний, число заключенных контрактов при участии иностранного капитала. В условиях глобализации ТНК играют всё большую роль. В ряде случаев именно благодаря приходу в регион производства ТНК начинается процесс образования агломерации. Серьезным подспорьем экономической выгоде региона от осуществления деятельности ТНК на его территории является и развитая система корпоративной социальной ответственности, что опять же является инструментом публичной дипломатии [7, с. 52].

8. Интересным представляется и использование современного концепта «социотехнического воображаемого» [14] применительно к городу как центральной пространственной единице мира будущего. Утопии и антиутопии — глобалисты и фантасты довольно часто обращают свой научный и творческий поиск к проблематике агломерационного, а в сущности и базового, городского развития. Образы могут варьироваться от блестящих городов

науки и знаний (технополисов) до анклавов цивилизации, окруженных трущобами. Но, по нашему мнению, мир будущего должен исходить из того, что глобальные города и агломерации могут объединяться, создавая единую экономическую, инфраструктурную, производственную, транспортную, культурную сети, с целью образования сетевых мегаструктур будущего. В этой связи исследования урбанистов и философов в области науки и техники пересекаются в исследованиях, посвященных будущему городов.

9. Один из важнейших агломерационных ресурсов — человеческий капитал, лидеры мнений которого являются активными субъектами агломерации. Вообще агломерацию можно рассмотреть как быт людей, именующих себя представителями глобального общества. В связи с этим можно выделить несколько групп общественности и определить тем самым сферы функционирования публичной дипломатии:

- представители инокультурной общественности, проживающие в агломерации на постоянной основе (экспатрианты, руководители ТНК, дипломатические работники и члены их семей, деятели культуры и искусства);
- временно проживающие на территории агломерации (туристы; инвесторы; субъекты маятниковой миграции, которые работают в городе, но живут за его пределами; государственные служащие; военные);
- бывшие жители, возвращающиеся в родной город на определенное время;
- жители города.

Представители данных аудиторий могут выступать как субъекты, объекты, в том числе и как инструменты публичной дипломатии. Всё зависит от стратегических целей и задач, поставленных в ходе разработки программы развития агломерации и предоставления услуг.

Агломерации — это «ворота в глобальный мир», которые формируют надгосударственную и транснациональную сеть глобального масштаба, влияющую на эволюцию мирового сообщества и его составных частей. Наиболее яркие примеры «глобальных ворот» — самые большие агломерации развитого мира: Нью-Йорк, Лондон, Париж и Токио. Эти глобальные города представляют собой экономические центры развития макрорегионов (Северной Америки, Западной Европы) и государства — Японии.



Одним из способов взаимодействия между подобного рода территориальными образованиями, которые носят транснациональный и надгосударственный характер, является публичная дипломатия. Отличительные особенности публичной дипломатии в XXI в.: она осуществляется государственными и негосударственными субъектами; основывается на концепции «мягкой силы», управлении информационными потоками, брендинге государств и представленности в глобальной сети Интернет; подразумевает внутреннее измерение в любой внешнеполитической акции, так как в современном мире уже невозможно разделить внешне- и внутривнутриполитический дискурс [15, с. 32]. Вышеперечисленные особенности по сути являются и механизмами взаимодействия между агломерациями, т. е. агломерации уже выступают субъектами публичной дипломатии и играют существенную роль в формировании социального, технологического и политического пространства будущего.

Таким образом, глобальные города — это не просто территориальные образования, это узлы,

«зоны культурного престижа», «ворота в глобальный мир» — центры генерации глобальных услуг. Образование агломераций позволяет изменить подход к региональной политике развития, что приведет к полицентричности пространства, в том числе и на международном уровне, и процесс развития территорий будет происходить более равномерно. Транснациональная и надгосударственная коммуникация между агломерациями — это возможная модель по управлению миром будущего. Агломерации, выступая в качестве субъектов генерации глобальных услуг и публичной дипломатии, реализуют концепцию «мягкой силы», именно поэтому глобальные города стоит рассматривать не только как центры экономической мощи и транспортные узлы. Сделав больший упор на социально значимое партнерство, диалог культур, международное взаимодействие между агломерациями, в том числе и через категорию услуг, мы создадим своего рода добавленную ценность бренда территории, что, в свою очередь, приведет к еще большему экономическому процветанию городов.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Dicken P.** Global Shift: The Internationalisation of Economic Activity. L., 1992. 512 p.
2. **Friedmann J.** The World City Hypothesis // *Development and Change*. 1986. Vol. 17, no. 1. Pp. 69–83.
3. **Sassen S.** The Global City: New York, London. Princeton: Princeton Univ. Press, 2001. 312 p.
4. **Taylor P.J.** New Political Geographies: Global Civil Society and Global Governance through World City Networks // *Political Geography*. 2005. Vol. 24. Pp. 703–730.
5. **Исследовательская группа глобализации и мировых городов.** URL: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/> (дата обращения: 23.05.2018).
6. **Институт стратегии развития городов совместно с Фондом им. Мори в Токио.** URL: <http://mori-m-foundation.org.jp/wordpress/english/ius2> (дата обращения: 23.05.2018).
7. **Попов Д.Г., Фокина В.В.** Роль глобальных городов в современной системе международных отношений // *Управленческое консультирование*. 2015. № 2. С. 50–54.
8. **Nye J.S.** Soft Power. The Means to Success in World Politics. Cambridge, M.A.: Public Affairs, 2004. 130 p.
9. **Global Power City Index 2017.** Summary. URL: [http://www.mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2017\\_en.pdf](http://www.mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2017_en.pdf) (дата обращения: 23.05.2018).
10. **Hill R.Ch., Kuniko Fujita.** The Nested City // A.J. Jacobs (ed.). *The World's Cities: Contrasting Regional, National and Global Perspectives*. L.: Routledge, 2013. Pp. 119–128.
11. **О первых** итогах приемной кампании в вузы Санкт-Петербурга. URL: <http://knvsh.gov.spb.ru/news/view/1028/#> (дата обращения: 14.03.2018).
12. **Collins R.** Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // *International Sociology*. 2001. Vol. 16 (3). Pp. 421–437.
13. **Розов Н.С.** Геополитика, геоэкономика и геокультура: взаимосвязь динамических сфер в истории России // *Обществ. науки и современность*. 2011. № 4. С. 107–120.
14. **Jasanoff S.** Dreamscapes of modernity: Socio-technical imaginaries and the fabrication of power // Jasanoff S., Sang-Hyung Kim. Chicago, L.: Univ. of Chicago Press, 2015. 360 p.
15. **Долинский А.** Дискурс о публичной дипломатии // *Международ. процессы*. 2011. № 1. С. 30–39.

**Попов Дмитрий Геннадьевич**

E-mail: klacik\_p2@list.ru

**Жабенко Илона Дмитриевна**

E-mail: zhabenkoilona555@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 05.06.2018 г.*

## REFERENCES

- [1] **P. Dicken**, *Global Shift: The Internationalisation of Economic Activity*, London, 1992.
- [2] **J. Friedmann**, *The World City Hypothesis, Development and Change*, 17 (1) (1986) 69–83.
- [3] **S. Sassen**, *The Global City: New York, London*, Princeton Univ. Press, Princeton, 2001.
- [4] **P.J. Taylor**, *New Political Geographies: Global Civil Society and Global Governance through World City Networks*, *Political Geography*, 24 (2005) 703–730.
- [5] [**Globalization** and World Cities Research Network]. Available at: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/> (accessed 23.05.2018).
- [6] [**The Institute** for Urban Strategies (IUS) at the Mori Memorial Foundation]. Available at: <http://mori-m-foundation.or.jp/wordpress/english/ius2> (accessed 23.05.2018).
- [7] **D.G. Popov, V.V. Fokina**, [The Role of “Global Cities” in the Modern System of International Relations], *Administrative consulting*, 2 (2015) 50–54.
- [8] **J.S. Nye**, *Soft Power. The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, Cambridge, 2004.
- [9] **Global Power City Index 2017**. Summary. Available at: [http://www.mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2017\\_en.pdf](http://www.mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2017_en.pdf) (accessed 23.05.2018).
- [10] **R.Ch. Hill, Kuniko Fujita**, *The Nested City*, in: A.J. Jacobs (ed.), *The World's Cities: Contrasting Regional, National and Global Perspectives*, Routledge, London, 2013. Pp. 119–128.
- [11] [**The first** results of the admission campaign in St. Petersburg universities]. Available at: <http://knvsh.gov.spb.ru/news/view/1028/#> (accessed 14.03.2018).
- [12] **R. Collins**, *Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact*, *International Sociology*, 16 (3) (2001) 421–437.
- [13] **N.S. Rozov**, [Geopolitics, geoeconomy and geoculture; the interconnection of the dynamic spheres in Russian history], *Social sciences and modernity*, 4 (2011) 107–120.
- [14] **S. Jasanoff**, *Dreamscapes of modernity: Sociotechnical imaginaries and the fabrication of power*, in: S. Jasanoff, Sang-Hyung Kim, Univ. of Chicago Press, Chicago, London, 2015.
- [15] **A. Dolinskiy**, [Discourse on the public diplomacy], *International protests*, 1 (2011) 30–39.

**Popov Dmitriy G.**

E-mail: klacik\_p2@list.ru

**Zhabenko Ilona D.**

E-mail: zhabenkoilona555@rambler.ru

*Received 05.06.2018.*

УДК 327.1(5-011)-053.81 + 327.7 + 341.24

Р. А. Погосян

### **МОЛОДЕЖНЫЙ ФАКТОР В «АРАБСКОЙ ВЕСНЕ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье рассматривается роль молодежного фактора в событиях 2010-х гг. в странах на юге и востоке Средиземноморского региона, которые явились результатом глубоких изменений в сознании арабской молодежи, произошедших за предыдущее десятилетие до начала «арабской весны». В арабских государствах на сцену вышло новое поколение, объединенное общим опытом экономических, политических и социальных неудач правящих режимов. Несмотря на большой интерес в российской и зарубежной литературе к феномену «арабской весны», исследований о роли молодежи в этих событиях и, собственно, о том, что она собой представляет в арабских странах, опубликовано не так много. Сравнительные исследования по молодежному движению в средиземноморских государствах практически отсутствуют, существует недостаток сопоставимых данных и разнородность аналитических и методологических подходов.

**К л ю ч е в ы е с л о в а:** «арабская весна», Европейский союз, политика ЕС в Средиземноморском регионе.

Потрясения в 2010-х гг. в странах на юге и востоке Средиземноморского региона в основном изображались как всплески молодежной активности после многих лет относительного спокойствия [7, 7]. Быстрая и неожиданная массовая мобилизация молодежи 2010–2011 гг. явилась результатом глубоких изменений в сознании арабской молодежи, произошедших за предыдущее десятилетие до начала «арабской весны». В арабских государствах на сцену вышло новое поколение, объединенное общим опытом экономических, политических и социальных неудач правящих режимов. В центре внимания нового поколения оказались статус и условия жизни молодых людей Средиземноморского региона [Там же].

В данной статье мы рассмотрим и проанализируем ряд недавних исследовательских работ европейских и арабских авторов по вопросам молодежного активизма в средиземноморских государствах, обращенных к теме роли молодежного фактора в событиях «арабской весны». Кроме того, проанализируем документы и материалы, вышедшие в рамках европейской программы EuroMesCo при содействии итальянского Института международных отношений (Istituto Affari Internazionali, IAI)<sup>1</sup>.

Для начала отметим, что в российской литературе глубокий анализ влияния демографических процессов на молодежное движение в арабских государствах представил А. В. Коротаев [1]. Но, несмотря на большой интерес в российской и зарубежной литературе к феномену «арабской весны», исследований о роли молодежи в этих событиях и, собственно, о том, что она собой представляет в арабских странах, опубликовано не так много. Сравнительные исследования по молодежному движению в средиземноморских государствах практически

<sup>1</sup> Подробнее см.: <http://www.euromesco.net/>, <http://www.iai.it/it>

отсутствуют, в недостаточном количестве представлены сопоставимые данные, аналитические и методологические подходы разнородны. Молодежь средиземноморских государств изображается и как источник перемен современности, и как потенциальная угроза общественному порядку (фактор нестабильности) из-за ее политических и социально-экономических обид (безработица, исключение из жизни общества).

Старший научный сотрудник Института международных отношений в Риме Сильвия Коломбо рассматривает роль молодежного активизма в событиях «арабской весны» в контексте государственной политики средиземноморских государств и программ Европейского союза. Последние внедрялись в Средиземноморье и были частью Барселонского процесса, начатого в 1995 г. По ее мнению, большинство аналитиков, изучающих арабские восстания 2010-х, характеризуют население региона с высоким уровнем безработицы в молодежной среде, что усугубляется драматической демографической ситуацией, неустойчивым положением молодежи в политической, социальной и экономической жизни и приводит к появлению диффузного недовольства и гнева у молодежи [7, 8]. Переговоры политиков, журналистов и ученых со всего мира о «маргинализации», «изоляции» и «лишении гражданских прав» арабской молодежи катализировали внимание к вопросам молодежи [12, 3–9].

Во многих странах Средиземноморского региона молодежь стала восприниматься как причина и основной актор «арабской весны» и послереволюционных политических преобразований. Сильвия Коломбо отмечает, что политиками и учеными молодые люди были идентифицированы как потенциальный двигатель для долгосрочных изменений в регионе. Тем не менее восприятие арабских восстаний как ведомых молодежью не помогло молодежи получить рычаги участия в жизни государств, а привело к обратному эффекту — утрате популярности молодежи и ее планомерной изоляции от общественных структур и институтов. Далее итальянский исследователь отмечает, что акцент на молодежь как на не «революционных игроков» привел к недооценке центральной роли взрослых и ведомых ими организаций, учитывающих интересы не только молодых людей, но и всего общества [7, 10].

Молодежные группы и организации, конечно, играли важную роль в недавних событиях, но они часть более широкого спектра движений, таких как профсоюзы, крестьянские движения, политические партии, религиозные организации. Сильвия Коломбо обращает внимание на то, что именно эти движения и организации необходимо принимать во внимание при оценке перспектив «расширения возможностей молодежи» и улучшения общих условий жизни населения. «По прошествии пяти лет с момента первой волны “арабской весны” многие вопросы о феномене молодежного активизма в средиземноморских странах до сих пор остаются нераскрытыми», — утверждает итальянский автор [Там же]. Рассматривая влияние политических программ региональных правительств на изоляцию или включение молодежи в жизнь общества, Сильвия Коломбо говорит о том, что работа с молодежью в этом регионе должна повлечь за собой в первую очередь признание очевидного факта: «молодежь — диверсифицированная категория» [Там же].

Молодые люди разных социальных, культурных, классовых, гендерных и этнических слоев выражают различные социально-экономические нужды и потребности, различные идеи и переживания и, как правило, действуют по-разному. В значительной степени отличаются и события в отдельных странах Средиземноморского региона (разные политические программы, разный тип и объем внешней поддержки). Несмотря на отсутствие согласованной международной характеристики арабской молодежи, Сильвия Коломбо в первую очередь основывается на группировке по возрасту (15–29 лет). Во многих странах региона молодежь стала двигателем и объединяющим фактором — за спиной у разнообразных акторов, включая взрослых, вставших против сторонников жесткой руки арабских режимов. Молодежь, которая получает образование, чтобы зарабатывать, развиваться и создавать семьи, сталкивается на своем пути со многими проблемами. Это в первую очередь социальное отчуждение — процесс систематического блокирования прав и возможностей в получении ресурсов (образование, жилье, занятость, здравоохранение, гражданская активность, право голоса), ограждение молодежи от всестороннего участия в жизни общества. Сильвия Коломбо полагает, что понятие социального отчуждения подчеркивает причины, послужившие толчком к событиям «арабской весны». Законы, политика или программы, а также преобладающий набор ценностей, верований и учреждений могут систематически работать в пользу определенных влиятельных групп за счет других [11, 83–87]. Что касается молодежи, ее исключение из жизни общества часто бывает продуманным старшим поколением.

Обратимся к рассмотрению роли молодежного фактора в «арабской весне» на примерах Египта, Палестины и Туниса.

Научный сотрудник центра ближневосточных и североафриканских исследований Свободного университета Берлина Надин Хани Абдалла (Nadine Hani Abdullah)<sup>2</sup> размышляет об ответственных за социополитические изменения в Египте через призму ограничений молодежной активности на местном уровне. Надин Абдалла проводит исследования в рамках «Арабского форума альтернатив» (Arab Forum For alternatives), созданного в рамках европейской программы EuroMeSCo<sup>3</sup>. Форум призван обеспечить пространство для взаимодействия экспертов, активистов и исследователей, заинтересованных в вопросах реформы в арабском регионе. Форум регулируется научными принципами уважения разнообразия, стремится предложить альтернативные варианты политических и социальных изменений в пределах демократических ценностей внутри средиземноморских государств<sup>4</sup>.

<sup>2</sup> Надин Хани Абдалла (Nadine Hani Abdullah) работает над диссертацией «Роль гражданского общества в демократических преобразованиях: сравнительное исследование между Польшей и Египтом» на соискание докторской степени в Институте политических исследований (Гренобль, Франция); имеет степень магистра Института политических исследований (Париж, Франция), степень бакалавра факультета экономики и политологии Каирского университета, французской секции. Исследования сосредоточиваются на гражданском обществе, демократическом переходе в Египте и египетских международных отношениях, особенно в Средиземноморском регионе.

<sup>3</sup> Подробнее о программе см.: <http://www.euromesco.net>

<sup>4</sup> Подробнее о форуме см.: <http://afaegypt.org/English>

Сразу после отставки президента Египта Хосни Мубарака в феврале 2011 г. молодежное движение, спровоцировавшее восстание 25 января, стало играть не последнюю роль на политической сцене страны [2, 27]. Молодежь стремится к политическому влиянию внутри государства, объединяется в разные организации, претендующие на защиту целей революции, выраженных в лозунге «Справедливость, свобода и достоинство», и настаивает на своем включении в новую систему (система государственного управления Египтом). Поэтому неудивительно, что активность молодежи Египта после арабских восстаний привлекла широкое внимание в научных кругах. Профессор политологии Принстонского университета США Ами Джамалу совместно с Майклом Хоффманом в работе, посвященной изучению различий и общих черт молодежи и «арабской весны» [8, 168–188], пытаются проанализировать текущее положение арабской молодежи и на основании этого понять причины их недовольства и формы политического поведения. Профессор английского университета Дархам Эмма Мерфи [13, 5–22] рассматривает арабскую молодежь как явление, а не социальную категорию. Значительное число исследователей рассматривают египетскую молодежь инструментально, через использование активистами социальных медиа (киберактивность) для мобилизации общественности (Линда Херрера [9, 333–352]). Другие сосредоточились больше на динамике политических обязательств молодежи в Египте (Nadine Sika [14, 181–199], Американский университет в Каире), а также на событиях до 25 января и восстаниях (Dina Shehata [15], Центр политических и стратегических исследований Аль-Ахрам).

Надин Абдалла отмечает, что до сих пор не хватает исследований по сценариям молодежных движений на местных уровнях, о проблемах, с которыми сталкиваются молодежные движения в постоянно меняющемся политическом контексте. Быстроизменяющееся соотношение сил в Египте вынуждали молодежные движения приспосабливать свои стратегии и тактику получения прав и рычагов влияния внутри государства.

В целом после 2011 г. молодежные движения Египта действительно разделились на многочисленные группы с различными целями и стратегиями, в связи с чем сформировались три стратегические линии по работе с молодежью после арабских восстаний: 1) ведение «уличной политики» для оказания давления на молодежных активистов с «революционными» требованиями; 2) постепенное изменение подхода по вовлечению молодежи в политическую систему, создание новых социальных структур для постепенной «колонизации» новых общественных и политических пространств; 3) создание союза молодежи с новым политическим режимом. Надин Абдалла рассматривает три молодежные организации Египта, стратегии их работы и трудности, с которыми они сталкиваются: 1) Фронт Муниципалитетов Египта (FME) (gabihit mahliat masr); 2) Муниципалитеты Аль-Докки и Аль-Агузы (MDA) (mahliat Аль-Докки Уол Агуза); 3) Коалиция Ард Аль-Ливаи (PCAL) (el-i'tila'af al-sha'by le-ard al-liwaa). В то время как первое движение распространено по всей Египетской Республике, второе и третье базируются в Эль-Гизе. Молодежь стремилась стать активной, чтобы оказывать давление на власть (муниципалитеты), чтобы та, в свою очередь, стала более



ответственной перед народом. Почему молодежь выбрала работу именно с муниципалитетами? Городские институты правления рассматриваются молодыми египтянами в качестве важного канала для получения связи с общественностью, так как они имеют дело с ежедневными проблемами граждан и их потребностями в социальных услугах и инфраструктуре (электричество, вода, дороги). Работа с муниципалитетами стала особенно важной из-за роспуска местных советов после восстания 2011 г. и, как следствие, отсутствия какого-либо органа, способного быть посредником между людьми и местными органами власти или контролировать работу последних.

В рамках данной статьи мы не ставим цель подробно рассмотреть деятельность каждой из трех организаций. Отметим лишь, что хотя «уличная политика» и являлась одним из основных инструментов молодежи по оказанию давления на власти, их активность на местном уровне имеет большой потенциал для более эффективной работы. Во время «египетского перехода» (*egyptian transition*)<sup>5</sup> уличные демонстрации помогли молодым людям остановить некоторые процессы, но не добиться решения своих вопросов. Молодежная активность на местном уровне способствует формированию молодежных кадров, которые связаны с местными сообществами, а также способны оказать давление на местное самоуправление. Однако для достижения постепенных социополитических изменений через работу на местном уровне молодежные организации должны увеличить собственные человеческие ресурсы, чтобы суметь реализовывать программы и предоставлять социальные услуги населению. Выборы в местные органы власти, которые еще не проведены, теперь становятся почти единственным путем для молодежного включения в политическую систему. Правящий режим всячески препятствовал молодежи в политическом участии в делах государства. По мнению Надин Абдалла, Европейский союз и гражданские организации могут поддержать молодежь Египта двумя путями: 1) предложить молодежным лидерам Египта получение технических знаний о работе местных советов, функционировании и руководстве демократических партий; 2) организовать образовательные обмены между политическими партиями Европы и их египетскими коллегами.

В работе Омар Шаба (Omar Shaba), директора группы стратегических исследований в Палестине (Pal-Think)<sup>6</sup>, рассматриваются вызовы и приоритеты, вставшие перед палестинским молодежным движением в свете «арабской весны». С большой уверенностью можно сказать, что палестинский народ в целом и палестинская молодежь в частности были наиболее активными среди всех народов «арабской весны» еще до ее распространения в Египте и других странах Средиземноморского региона [16, 45].

---

<sup>5</sup> Египетский переход (*egyptian transition*) — процесс смены правящих режимов во время событий «арабской весны» в 2010-х гг.

<sup>6</sup> Группа стратегических исследований. Основана в 2007 г. в секторе Газа в Палестине группой палестинских исследователей и общественных активистов. Является независимой некоммерческой, неполитической, неправительственной, нерелигиозной организацией, цель которой — стимулировать и вдохновлять рациональные общественные обсуждения для достижения консенсуса во имя благосостояния палестинцев региона. Подробнее см.: <http://palthink.org/en/>, <https://www.facebook.com/Palthink/>



Они надеялись, что «арабская весна» станет долгожданным средством укрепления позиций Палестины (ослабит или положит конец израильской оккупации), поспособствует процессу национального примирения между Хамас и ФАТХ<sup>7</sup>. Но палестинская молодежь была слишком «занята» внутренним противостоянием, и «арабская весна» не оправдала ее надежд.

Вскоре с высоким уровнем разочарования палестинцы отметили, что Палестина не входит в число высших приоритетов ранней «арабской весны» ни в Тунисе, ни на площади Тахрир (Площадь освобождения) Египта. В конечном итоге палестинцы признали, что на ранней стадии «революции» арабские страны должны были сконцентрироваться на проблемах и требованиях собственных народов (экономическое и социальное равенство, демократия, справедливость). Палестинцы надеялись, что, как только эти требования будут удовлетворены, придет очередь полноценной государственности для Палестины. Палестинцы хорошо осознают собственные ограниченные возможности по достижению политических прав без поддержки ключевых арабских стран, особенно Египта, и международного сообщества. Однако молодые палестинцы, перенесшие смену трех властей и израильской оккупации, подражали арабским весенним демонстрациям и с особым энтузиазмом полагали, что это шанс бросить вызов «полицейскому государству» [16, 47]. При этом, так же как и в других странах «арабской весны», политические и социальные горизонты палестинской молодежи были ограничены отсутствием политических свобод и широко распространенной безработицей<sup>8</sup>. А уникальность ситуации заключалась в том, что палестинцам нужно было «свергать одновременно три правительства»: израильскую оккупацию, авторитарное правление ФАТХ на Западном берегу реки Иордан и Хамас в секторе Газа.

Омар Шаба весьма подробно рассматривает действия палестинской молодежи и формы их мобилизации. Палестинские юноши внимательно и с восхищением наблюдали за разворачивающимися событиями «арабской весны». С помощью социальных сетей на 15 марта 2011 г. была назначена первая акция молодежной активности, что настороженно было встречено как в Хамас, так и в ФАТХ. Однако из-за несогласованности действий между молодежью, отсутствия единой модели поведения они не достигли целей. Молодежь не могла определиться, стоит ли одновременно противостоять собственным режимам, хронически разделенным, или оккупации? Часть молодежи включилась в Интифаду (Избавление) — народное освобождение оккупированных Израилем территорий вдоль стены на Западном берегу реки Иордан, где некоторая прямая конфронтация с израильскими

<sup>7</sup> Конфликт между Движением за национальное освобождение Палестины (ФАТХ) и Исламским движением сопротивления (Хамас), называемый также Гражданской войной в Палестине, — вооруженный конфликт между двумя основными группировками Палестинской национальной администрации (ПНА), начавшийся в 2006 г. В основном вооруженные столкновения проходили в июне 2007 г. в секторе Газа, полностью взятом под контроль сторонниками Хамас. В боевых действиях в основном принимали участие вооруженные отряды политических сил — Силы безопасности автономии, полиция, президентская гвардия, а также боевики «Бригады мучеников аль-Аксы» (ФАТХ), с одной стороны, и боевики «Бригад из ад-Дина аль-Кассам» (Хамас, численностью до 12 тыс.) — с другой. Поводом для конфликта стали распределение политического влияния в ПНА и попытка убийства премьер-министра Исмаила Хании, представителя движения «Хамас».

<sup>8</sup> Западный берег реки Иордан, Иерусалим и сектор Газа были оккупированы Израилем в 1967 г.

солдатами все еще оставалась возможной. В начале октября 2015 г. родилась крайняя форма сопротивления — Хаббах (Habbah)<sup>9</sup>. Многие палестинские, израильские и международные журналисты, представители интеллигенции и писатели пытались найти подходящую терминологию для этого движения. Омар Шаба пишет, что данная вспышка разочарования и насилия среди палестинской молодежи в конечном счете демонстрирует опасную тенденцию к индивидуальной и общественной радикализации на фоне тупиковой ситуации политического процесса.

События в Египте стали особенно тревожащими для палестинской молодежи. В сентябре 2015 г. Палестинский исследовательский центр (PCPSR) провел опрос, который показал, что 80 % палестинцев Западного берега и сектора Газа считали, что Палестина больше не является главным объектом «арабской весны» [18]. Молодые люди начали искать другие пути, ведущие к улучшению ситуации в стране, не копируя революции в других арабских государствах. Там, где провозглашалось «*Al-sha'b yurid isqat al-nizam*» («Народ хочет свергнуть режим»), палестинцы, столкнувшись с израильской оккупацией, утверждают лозунг «*Al-sha'b yurid inha' al-inqisam*» («Народ хочет конца раздела») [16, 53]. Pal-Think работал с палестинской молодежью во многих областях, включая образование, культуру, обучающие и диалоговые программы. Центр организовал несколько встреч между палестинской молодежью и представителями ЕС, чтобы обсудить формы сотрудничества<sup>10</sup>.

Омар Шаба пишет, что сегодня может не быть свободной и независимой Палестины, но молодежь должна быть активной в формировании лучшего будущего для себя и будущих поколений палестинцев. Он предлагает конкретные шаги по унификации молодежного движения Палестины: 1) преобразование и модернизацию учебных заведений (в том числе при поддержке внешних партнеров, в частности, Европейского союза); 2) осуществление выборов советов студентов во всех университетах в секторе Газа и на Западном берегу; 3) внедрение новых муниципальных выборов (последние в секторе Газа были проведены в 2005 г.); 4) обеспечение свободы мнений и протестных молодежных движений. При этом, подчеркивает Омар Шаба, еще предстоит обсуждать стратегию, которая сможет объединить молодежное палестинское движение, а именно: независимо от ее отношения к какой-либо из политических группировок воспитать молодежь толерантной, поддерживающей институциональную демократию, влиятельной в политической жизни Палестины [Там же].

Центр Pal-Think провел семинар с представителями множества молодежных групп, включая молодежь, аффилированную с Хамас и ФАТХ. Семинар показал, что молодые участники согласились с тем, что ключевая цель палестинского молодежного движения (движений) должна состоять в том, чтобы поощрять активное участие молодежи в политической жизни и продвигать демократические

<sup>9</sup> По состоянию на февраль 2016 г. 162 палестинца были убиты и 12 тыс. ранены израильскими солдатами или поселенцами, 31 израильтянин при этом был убит, 500 получили ранения. Это волна взаимных атак, которая продолжается и по сей день. Источник: <http://www.iai.it/en/publicazioni/youth-activism-south-and-east-mediterranean-countries-arab-uprisings>, p. 51.

<sup>10</sup> Подробнее см.: <http://palthink.org/en123/?p=695>

методы объединения палестинцев, чтобы завершить работу по освобождению Палестины. Отсутствие этих приоритетов в «арабской весне» привели к разочарованию палестинской молодежи в ее эффективности. В сентябре 2015 г. Центр Pal-Think опросил 25 студентов из сектора Газа, 10 из них открыто высказались против поддержки «арабской народной революции». Мало кто из респондентов указал, что революционные движения достигли своих целей. Каждый письменный ответ подтвердил мнение о том, что результаты репрессий после «арабской весны» усугубили палестинский кризис [16, 53].

Старший научный сотрудник немецкого института развития Берлина Изабель Шафер (Isabel Schäfer) на примере Туниса рассматривает подходы политики Европейского союза к «чувствительным» потребностям арабской молодежи [17, 62].

Молодежь была одним из главных действующих лиц в социальных протестах арабских восстаний в 2011 г. С тех пор положение молодых поколений в Средиземноморском регионе не улучшилось, а во многих странах даже ухудшилось (Ливия, Сирия, Йемен) [Там же]. Случай с Тунисом особенно показателен, учитывая тот факт, что арабские восстания начались в Тунисе и что это единственная страна, где демократический процесс перехода все еще продолжается. Тунисская молодежь была особенно активна во время революционной фазы в 2010–2011 гг., но сегодня многие молодые люди разочарованы результатами революции. В своей работе Изабель Шафер ищет ответы на вопросы: «Почему так произошло после 2011 г., и каково положение молодежи сегодня? Что было сделано, чтобы удовлетворить ее стремления и политические требования? И что еще мог бы сделать Европейский союз, чтобы поддержать молодое поколение»? Автор отмечает, что помимо обеспечения «классических» прав молодежи (занятость, образование, культурный обмен) молодежь Туниса нуждается в «чувствительном подходе» (youth-sensitive approach). «Чувствительный» к потребностям молодежи подход нужно рассмотреть и включить во всю внешнюю политику ЕС в Средиземноморском регионе. А для этого необходимо выяснить стремления и проблемы тунисской молодежи. Как и в большинстве других стран мира, молодое поколение в Тунисе стремится к занятости, получению образования, собственной мобильности, свободе, справедливости, личному развитию, участию и признанию [Там же, 63].

Согласно «Ежегодному обзору арабской молодежи» для 81 % молодых людей безработица является вторым после безопасности вопросом в Средиземноморском регионе, вызывающим беспокойство [5]. Безработица среди молодежи была и остается особенно высокой в Тунисе (33,2 % в 2015 г. по сравнению с примерно 25–30 % в 1984–2010 гг. для 15–25-летних) и может достигать 40 % в зависимости от возраста и сферы деятельности [6].

Недавние события также показали, что чем выше образовательный уровень, тем меньше шансов молодой человек имеет на рынке труда [17, 63]. Среди 650 тыс. безработных (плюс приблизительно 600 тыс. незарегистрированных безработных) около одной трети (250 тыс.) — выпускники высших учебных заведений [19]. Этот парадокс обусловлен тем, что существующие образовательные программы зачастую не приспособлены к быстроменяющимся требованиям рынка труда.

Несмотря на все это, 39 % молодого поколения допускают создание собственного бизнеса в течение будущих пяти лет [5].

На фоне новой и быстро меняющейся политической и социальной обстановки желание молодых людей быть мобильными и иметь возможность свободно передвигаться остается наиболее острым. Среди причин стремления к свободной мобильности можно отметить желание повышения профессиональных навыков, уровня образования, личного развития, а также поддержания семейных и дружеских связей, культурный туризм. Но главная мотивация молодых тунисцев к переезду имеет социально-экономический характер: желание сделать карьеру и найти лучшую жизнь в Европе или где-либо еще.

Из общей численности населения в 11 млн граждан около 1,2 млн тунисцев живут за границей. Большинство из них — во Франции (55 %, 669 тыс. человек), в Италии (15 %, 189 тыс. человек), Германии (87 тыс. человек), Ливии (69 тыс. человек), государствах Персидского залива (60 тыс. человек), Канаде (20 тыс. человек) и Соединенных Штатах (15 тыс. человек) [20]. При режиме Бен Али (1987–2011) молодые тунисцы бежали от репрессий, безработицы и отчаяния преимущественно в Италию (в среднем 1700 человек в год) [10].

После падения режима Каддафи в Ливии (2011) портовый город Зарзис (Zarzis), недалеко от тунисско-ливийской границы, стал своего рода «центром миграции» [4]. До 1990-х большинство мигрантов были рабочими средней квалификации, позже — образованной молодежью. Большие потоки студенческой эмиграции наблюдались во Францию, Германию и Северную Америку [20].

Наряду с экономическими причинами эмиграции арабской молодежи существуют и другие: радикальные идеологические взгляды (стать джихадистом), сетевые связи, контрабанда и работорговля [3]. В большинстве случаев на решение мигрировать влияет ряд факторов. И все они существовали до тунисской революции, но усилились с ее приходом в 2011 г.

Следующим требованием молодого поколения было участие в политической жизни Туниса. У многих из них были идеалистические ожидания быстрого преобразования страны и непосредственных улучшений через политическое и экономическое включение молодежи в политику. Но спустя пять лет после падения режима Бен Али «переходный процесс» не оправдал надежд молодых активистов. Молодежь по-прежнему недостаточно представлена в политических структурах.

Подводя итоги «арабской весны», можно отметить, что многие участники тех событий разочаровались в «арабской революции» и покинули политику. Несмотря на возрастающее число организаций гражданского общества, количество молодых людей, которые действительно активны в этих организациях, остается ограниченным. Молодое поколение не ощущает себя понятым новыми или прежними политическими элитами. Революции не разрешили, а всколыхнули новую напряженность и разногласия внутри молодежных движений, между светскими и религиозными слоями, между радикалами и консерваторами, между различными интересами городских и сельских молодых людей.

1. *Коротаев А. В.* Лекция «Арабская весна» // «Полит.ру» и НИУ ВШЭ на площадке «Нация и культура» в рамках Дня Вышки 10 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: [http://polit.ru/article/2013/11/10/arabskaya\\_vesna/](http://polit.ru/article/2013/11/10/arabskaya_vesna/) (дата обращения: 02.09.2016).
2. *Nadine A.* The Quest for Accountability and Socio-Political Change in Egypt: Repertoires of Actions and Challenges for Youth Activism at the Local Level [Electronic resource]. URL: [http://www.iai.it/sites/default/files/euromescostudy\\_2.pdf](http://www.iai.it/sites/default/files/euromescostudy_2.pdf) (accessed: 02.09.2016).
3. *Browne E.* Drivers of Irregular Migration in North Africa. GSDRC Helpdesk Research Report 1271. Birmingham, UK: GSDRC, University of Birmingham, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.gsdrc.org/publications/drivers-of-irregular-migration-in-north-africa/> (accessed: 02.09.2016).
4. *Boubakri H.* Revolution and International Migration in Tunisia. Migration Policy Centre, MPC Research Report 2013/04. Retrieved February 9, 2016 [Electronic resource]. URL: [www.cadmus.eu.eu](http://www.cadmus.eu.eu) (accessed: 02.09.2016).
5. *Burson-M.* 7th Arab Youth Survey 2015. Penn Schoen Berland (PSB), on behalf of Burson-Marsteller, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.burson-marsteller.ch/what-we-do/our-thinking/7th-annual-asdaa-burson-marsteller-arab-youth-survey-2015/?lang=en> (accessed: 02.09.2016).
6. BafD, OCDE, PNUD 2015: African Economic Outlook: Tunisie 2015. Tunis : BafD, p. 2.
7. *Colombo S.* Youth activism, government policies and the role of the EU // «Youth activism in the south and east Mediterranean countries since the arab uprisings: challenges and policy options» / European Institute of the Mediterranean, Febr. 2016. P. 7–27 [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/en/publicazioni/youth-activism-south-and-east-mediterranean-countries-arab-uprisings> (accessed: 02.09.2016).
8. *Hoffman M., Amaney J.* «The Youth and the Arab Spring: Cohort Differences and Similarities» / «Middle East Law and Governance», 4(1). P. 168–188 [Electronic resource]. URL: [http://mthoffma.mycpanel.princeton.edu/Hoffman\\_Jamal\\_MELG.pdf](http://mthoffma.mycpanel.princeton.edu/Hoffman_Jamal_MELG.pdf) (accessed: 02.09.2016).
9. *Herrera L.* «Youth and Citizenship in the Digital Era: A view from Egypt» / Harvard Educational Review 82(3), 2012. P. 333–352 [Electronic resource]. URL: <https://www.learntechlib.org/p/74733> (accessed: 02.09.2016).
10. *Natter K.* Revolution and Political Transition in Tunisia: A Migration Game Changer? // Migration Policy Institute, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/revolution-and-political-transition-tunisia-migration-game-changer> (accessed: 02.09.2016).
11. *Kabeer N.* Social Exclusion, Poverty and Discrimination. Towards an Analytical Framework. IDS Bulletin, 31(4). P. 83–87.
12. *Lynch M.* Revolution in the Arab World: Tunisia, Egypt, And the Unmaking of an Era // Foreign Policy Magazine, 2011 г., Roberts H. The Revolution that Wasn't. London Review of Books, 35(17), 2013 г. P. 3–9 [Electronic resource]. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/02/24/revolution-in-the-arab-world/> (accessed: 02.09.2016).
13. *Murphy E.* «Problematizing Arab Youth: Generational Narratives of Systemic Failure» / Mediterranean Politics 17(1), 2012. P. 5–22 [Electronic resource]. URL: <https://www.dur.ac.uk/sgia/profiles/?mode=pdetail&id=490&sid=490&pdetail=77667> (accessed: 02.09.2016).
14. *Sika N.* Youth Political Engagement in Egypt: from Abstention to Uprising // British Journal of Middle Eastern Studies. 39(2). 2012. P. 181–99 [Electronic resource]. URL: [https://www.academia.edu/1905972/Youth\\_Political\\_Engagement\\_in\\_Egypt\\_From\\_Abstention\\_to\\_Uprising](https://www.academia.edu/1905972/Youth_Political_Engagement_in_Egypt_From_Abstention_to_Uprising) (accessed: 02.09.2016).
15. *Shehata D.* Youth Movements and the 25 January Revolution // Arab Spring in Egypt. Cairo: American University Press, B. Korany & R. El-Mahdi (Eds.) [Electronic resource]. URL: <http://cairo.universitypressscholarship.com/view/10.5743/cairo/9789774165368.001.0001/upso-9789774165368-chapter-7> (accessed: 02.09.2016).
16. *Shaban O.* The Arab Spring and the Palestinian Youth Movement: Different Challenges and Priorities // «Youth activism in the south and east Mediterranean countries since the arab uprisings: challenges and policy options» / European Institute of the Mediterranean, February 2016. P. 45–60

[Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/en/pubblicazioni/youth-activism-south-and-east-mediterranean-countries-arab-uprisings> (accessed: 02.09.2016).

17. Schäfer I. Fostering a Youth-Sensitive Approach in the EU's Policies towards the South and East Mediterranean Countries — The Case of Tunisia // «Youth activism in the south and east Mediterranean countries since the arab uprisings: challenges and policy options»/ European Institute of the Mediterranean. Febr. 2016. P. 61–72 [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/en/pubblicazioni/youth-activism-south-and-east-mediterranean-countries-arab-uprisings> (accessed: 02.09.2016).

18. PCSPR survey, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.pcpsr.org/sites/default/files/poll%2057%20pressrelease%20English.pdf> (accessed: 02.09.2016).

19. Tunisie. Révision du programme Amal pour les diplômés chômeurs // Kapitalis. 17 March 2012. Retrieved December 20.

20. See Office des Tunisiens à l'Etranger (OTE)/ Direction de l'Information et des Relations Publiques (DIRP) (2012). Répartition de la Communauté tunisienne à l'étranger. Tunis: OTE/ DIRP. Retrieved December 20. 2015 [Electronic resource]. URL: [http://www.ote.nat.tn/fileadmin/user\\_upload/doc/Repartition\\_de\\_la\\_communaute\\_tunisienne\\_a\\_l\\_etranger\\_\\_2012.pdf](http://www.ote.nat.tn/fileadmin/user_upload/doc/Repartition_de_la_communaute_tunisienne_a_l_etranger__2012.pdf) (accessed: 02.09.2016).

*Рукопись поступила в редакцию 8 июня 2016 г.*

УДК 355.01(5-11) + 327.88 + 94(567) + 316.325

**Т. П. Мусихина  
Н. В. Мамин**

### **БЛИЖНИЙ ВОСТОК В УСЛОВИЯХ ВОЙН «ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ» (НА ПРИМЕРЕ ВОЙНЫ В ИРАКЕ 2003–2011 гг.)**

В последние десятилетия внимание международной общественности приковано к распространению экстремизма и терроризма в странах Ближнего Востока, приобретающих религиозный, исламский оттенок. Авторами данной работы предпринята попытка на основании существующих теоретических подходов к пониманию феномена войн «четвертого поколения» рассмотреть и проанализировать войну в Ираке (2003–2011). Особое внимание уделяется характерному для данного типа конфликтов выходу за локальные рамки в контексте действий террористической организации «Исламское государство».

**Ключевые слова:** войны «четвертого поколения», Ближний Восток, вызовы региональной безопасности, война в Ираке, Исламское государство.

Для современного этапа международных отношений характерна высокая степень взаимосвязи и взаимозависимости между акторами, что находит свое отражение в продолжающемся росте числа интеграционных проектов и объединений различного уровня. Однако не следует полагать, что идущий процесс глобализации не сталкивается с препятствиями на своем пути. Отдельные государства или группы людей по ряду причин отказываются принять перемены, вызываемые данным процессом, воспринимая их в качестве угрозы как собственной безопасности, так и своему историческому и культурному наследию. Подобное противостояние

УДК 304; 327

ББК 87.6; 66.04

## Политическая модернизация и её технологические пределы

ринц <https://elibrary.ru/item.asp?id=35013144>

*Дмитрий Геннадьевич Попов*

Санкт-Петербургский политехнический

университет Петра Великого

доцент,

E-mail: klacik\_p2@list.ru

*Аннотация:* В статье рассматриваются проблемы, вызванные глобальным внедрением новых технологий и увеличением числа пользователей ИКТ. Автор рассматривает процессы политического развития и модернизации в эпоху безграничных возможностей для создателей и потребителей интернет-ресурсов, ставших следствием научно-технического прогресса. Это может привести как к свободному обмену мнениями, политической модернизации отдельных стран и даже трансграничных регионов, так и к неуправляемым нарушениям коммуникаций внутри государств и даже разрушениям самих государств и возврату к архаике. Автор пытается ответить на вопрос насколько в этой новой действительности научно-технический прогресс и социотехническое воображаемое влияют на политическую модернизацию.

*Ключевые слова:* политическая модернизация, внешняя и внутренняя политика, интернет-ресурсы, пользователи ИКТ, социотехническое воображаемое

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00799*

С самого начала использования в научной литературе, публицистике и политической деятельности категория «политическая модернизация» была теснейшим образом связана с такими терминами, как политическое развитие, политические режимы, политическая культура, демократизация, научно-технический прогресс, социальная и классовая стратификация. Теория и практика модернизации, особенно в условиях догоняющего или кризисного развития, выставляла высокие требования к эффективной политике, развитой экономике, сочетаемости культурных практик, что позволило бы успешно преодолевать внешнеполитические и внутривнутриполитические вызовы. Успех научно-технического прогресса, экономического роста, демократического транзита и "идеологии" социального государства позволили заметно повысить качество жизни довольно небольшой, в глобальном масштабе, части человечества. При всем этом, глобальная перспектива XXI века не становится более радужной. Современное научное сообщество, в первую очередь



Иммануил Валлерстайн и Рэндалл Коллинз<sup>1</sup>, ставят вопрос о будущем современной модели развития как в политической, так и в экономической сфере. Данные работы продолжают традицию кризисного восприятия мира будущего, имеющую длительную историографическую традицию в XX веке (от Освальда Шпенглера до Сэмюэля Хантингтона). Проблема господства технологий над моралью, и машин над человечеством в этой связи вполне входит в предмет не только фантастических произведений и философии, но и в целом ставит перед социогуманитарными дисциплинами вопрос о технологических вызовах политическому будущему человечества. Второй не менее важный вопрос, могут ли новые технологии не только не способствовать политическому развитию, но и становиться невольными, или под контролем, инструментами по разрушению государственных институтов, в первую очередь, в развивающихся странах. Являются ли новые технологии, тем спусковым крючком, которые ведут к возврату в архаику<sup>2</sup>. Рассмотрим данную проблему на разных уровнях.

### **Глобальный уровень**

По прогнозам экономистов глобальный мир в XXI веке войдет в фазу экономической стагнации. Прогресс, связанный с достижениями от внедрения новых технологий, ведет к фундаментальной коррекции социально-экономической структуры общества. Роботизация и компьютеризация экономики, внедрение новых технологий и нейронных сетей в производстве, управлении и сфере услуг не просто повышают эффективность производства, но и помещают в зону риска до половины трудоспособного населения ведущих развитых стран. Мы являемся свидетелями процесса, когда человеческий труд замещается в самых разнообразных производственных процессах. Интересно, что вопрос о сжатии рынка труда на основе экономического развития и технологического прогресса не раз приводил к коренным изменениям социальной структуры общества и ключевым образом влиял на политические отношения. Из исторических примеров мы можем вспомнить: Англию 16-17 веков, где "овцы пожрали людей" (огораживание), печатный станок (Реформация), луддитов, процессы урбанизации и индустриализации и т.д.

Современные общества сталкиваются с одним из самых интересных вызовов - с одной стороны, существует необходимость сохранения достигнутого уровня благосостояния, но с другой - экономическое развитие и развитие технологий могут стать угрозой стабильности социального порядка. Ставка на экономику знаний и услуг, может не справиться со все более эффективным обеспечением базовых потребностей, порожденных прогрессом. Многообразные и все более совершенные электронные услуги (от электронного правительства до социальных сетей и нейросетей) вполне успешно сокращают "постиндустриальную" занятость в сфере услуг, посреднических операций, государственной службе и даже в индустрии моды и иных креативных профессиях. Утопии и Антиутопии рисуют нам пугающий или наоборот вдохновляющий мир будущего, в одних вариантах будущее человечество будет стремиться к самосовершенствованию на основе безусловного базового дохода креативного класса, в других вариантах мы будем иметь дело с обездоленными массами "прекариата", претендующего в лучшем случае на хлеб и зрелища. И в том и в другом случае, даже перед правительствами самых развитых государств мира стоит множество сложнейших задач по подготовке и трансформации социальных и

---

<sup>1</sup> И. Валлерстайн, Р. Коллинз и др. Есть ли будущее у капитализма — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 320 с.

<sup>2</sup> State archaization: the role of information technologies M.M. Lebedeva и др, Polis. Political Studies. 2016. No. 6. P. 22-36.

политических институтов. Одним из вопросов научно-технического прогресса современности становится вопрос о занятости большинства населения, и о том к каким политическим последствиям это приведет.

### **Региональный уровень**

Переходя к вопросу о влиянии технологического процесса на модернизацию отдельных регионов современного глобального уровня важно отметить, что здесь влияние, в первую очередь, информационных технологий уже заметно и включено в такие концепты как умная и мягкая сила. Новые технологии и политический процесс всегда оказывали взаимное влияние друг на друга<sup>3</sup>.

Глобализационные процессы, охватившие весь мир поставили перед множеством современных государств важный вопрос о суверенитете в условиях трансформации международных отношений. Вопрос о суверенитете напрямую связан с вопросом об участии в глобальном обмене ресурсами, ценностями и выбором будущего. Подходы к суверенитету и его роли на современном этапе напрямую связаны с контролем над каналами информации и возможности создания и продвижения своего контента.

В историографии гуманитарных наук присутствует деление на традиционное общество и общество современного типа. Данное деление весьма условно - но позволяет частично понять проблему. В основе традиционного общества лежат привычки, традиции, правила принимаемые на веру, что объясняет его относительную устойчивость и неподвижность, а также гарантирует определенную стабильность для социальных структур. Проникновение новых технологий - и вопросы приобщения к ним, для традиционных обществ всегда вызов. Становясь сначала предметами престижного потребления элит, диковинками, эти артефакты не всегда подрывают политическую стабильность, но, как минимум, ставят перед элитами важную развилку, так или иначе ведущую к необходимости изменений, как для прогресса, так и для сохранения своей власти в условиях ослабления конкурентоспособности по сравнению с внешними акторами и вестернизированными контрэлитами.

В современном обществе локальные представления о правильном, заменяются универсальными ценностями, в которые включены и ценности прогресса, непрерывного образования, в то же время основным элементом общества и политики становится индивидуум, а не группа. Личный выбор определяет социальное поведение и ценностное восприятие окружающей действительности, науки и техники на основе условно рационального выбора, или выбора на основе брендов и моды, или общественно одобряемых действий. Одними из общественно одобряемых действий в области внешней политики на современном этапе являются обеспечение прав и свобод, модернизация и демократизация незападных обществ. Потребность в самоактуализации приводит к активной коммуникационной деятельности личности, групп, институтов и в целом западных государств. Базовое понимание Интернета, как пространства свободной коммуникации и инструмента демократического развития стало аксиомой политической публицистики.

Глобальные медиа и социальные сети, включают и подчиняют локальные информационные структуры - СМИ, Twitter (слухи). Традиционное общество, сталкиваясь с внешними и внутренними вызовами, не находящими аналогов в традиции, может быть

---

<sup>3</sup> Does Technology Drive History? eds. Merritt Roe Smith and Leo Marx. MIT Press: Cambridge, MA, 1994.

разрушено, либо перейдет на новый этап, трансформируясь под воздействием изменений. С точки зрения современной политической науки о демократическом транзите, в результате таких изменений должен происходить переход от авторитарных институтов к демократическим. Но, как показывает практика, политическая модернизация далеко не линейна, и неудача в восприятии и закреплении демократических институтов, вполне может привести к возврату к авторитаризму. Современный же опыт событий в рамках Большого Ближнего Востока - свидетельствует о возможности перехода от демократизации к самой настоящей архаике, и при этом с самым активным использованием новых информационных технологий. "Арабская весна" показала, что информационно-коммуникационные технологии могут стать инструментом и примером противоречивого влияния технологий на процессы политического развития и модернизации.

Именно фактор возможности и эффективности изменений и является ключевым в вопросах политического развития и модернизации. В этой связи научно-технологический прогресс определяет сегодня не только возможности влияния государств на геополитическое пространство, но и служит основой для проведения эффективной социальной политики и устойчивого развития общественных институтов.

Протекание процессов политического развития в политической, экономической и социальной сферах жизни общества не всегда происходит синхронно. Напротив, инициирование одного из показателей развития может негативно отразиться на остальных функциях системы. Общество может располагать недостаточными ресурсами для осуществления изменений по всем направлениям, либо потребности общества и государства становятся взаимоисключающими, и тогда возникает необходимость определения приоритетов политического развития. В частности, требования расширения возможностей политического участия и связанные с ним лозунги национального самоопределения и социального равенства могут вступить в противоречие с необходимостью обеспечения территориального единства, национальной интеграции и эффективного государственного управления.

Социальные сети и в целом Интернет в авторитарных режимах не могут быть полностью взяты под контроль слабыми государственными институтами. В таких условиях правящие элиты теряют контроль над политической коммуникацией, а оппозиционные группы готовы идти на радикальные меры, в том числе, и с целью информационного прорыва и апелляции к международному сообществу. Распространение Интернета в государствах, где слабые институты и нет единой идентичности, угрожает их существованию. Будучи благоприятной средой и инструментом организации и координации протестного движения, Интернет запускает демократизацию авторитарного режима снизу через протесты и массовые движения. Учитывая принципиальные ограничения контроля интернет-коммуникаций, государства, особенно слабые, практически не имеют возможности контролировать процесс<sup>4</sup>.

В ходе Арабской весны оппоненты правящих политических элит использовали все возможности современных информационно-коммуникационных технологий - от денежных переводов, до управления группами сторонников посредством социальных сетей. Международные террористические организации, будь то Аль Каида или Исламское государство, запрещенные в большинстве стран мира, при этом активно пользуются возможностями новых открытых технологий и организуют целые направления деятельности по привлечению ресурсов и сторонников через Интернет.

---

<sup>4</sup> State archaization: the role of information technologies M.M. Lebedeva и др., Polis. Political Studies. 2016. No. 6. P. 30.

Под политическим развитием понимается приобретение политической системой новых позитивных качеств и новых возможностей (или совершенствование прежних), позволяющих ей эффективно адаптироваться в новых проблемных ситуациях и создавать новые институты, обеспечивающие каналы для эффективного диалога между правительством и населением. В этой связи интересны современные процессы реакции на коммуникационную и информационно-познавательную роль Интернета, социальных сетей и поисковиков на пространстве от Китая до США. Вопросы, связанные с информационно-коммуникационными технологиями это, в том числе, и вопросы поиска варианта нового типа общения между государством и обществом, чиновником и индивидом в новой среде, в условиях трансформации и кризиса «национального суверенитета» в его Вестфальской трактовке.

При этом политическое развитие отличается от экономического, социального и др. общественных процессов рядом параметров. В качестве основных характеристик мы можем выделить следующие:

1. Политическое развитие обратимо; и как показывают примеры, технологический прогресс может не способствовать политическому развитию, а наоборот разрушать институты ответственные за модернизацию.

2. Политическое развитие характеризуется своими собственными критериями (показателями) и эти критерии зависят от политической культуры, средств коммуникации и готовности элит к изменениям. Политические элиты уже не могут определять и трактовать критерии модернизации без учета социотехнического воображаемого со стороны общественных групп и групп интересов. Пользователи новых технологий примеряют на себя роли журналистов, экспертов, спонсоров и творцов социальной и политической реальности, а представители радикальных движений, во имя "священной" борьбы, используют не только оружие и сотовые телефоны, но и становятся активными участниками информационных войн.

3. Процесс политического развития, при наличии общих критериев, не может быть единообразным в различных общественно-политических системах. Архаика и модерн соединяются в новой реальности. В этой связи и возникает ключевой вопрос о том насколько технологическое развитие и социотехническое воображаемое могут повлиять на политическую модернизацию в конкретной стране, в конкретном обществе.

Все эти вопросы выводят на новый уровень как представления о поступательном развитии прогресса, так и о будущей модернизации мира, включая и политические аспекты.

### **Political Modernization and Its Technological Limits**

Dmitrii Popov  
Peter the Great St. Petersburg  
Polytechnic University  
Associate Professor  
E-mail: [klacik\\_p2@list.ru](mailto:klacik_p2@list.ru)

*Abstract:* The article deals with problems caused by global introduction of new technologies and increase in the number of ICT users. The author considers processes of political development and modernization during an era of boundless opportunities for creators and consumers of Internet resources, turned out to be a consequence scientific and technical progress.

It can lead as to free exchange of opinions, political modernization of modern countries and even cross-border regions, and to uncontrollable communication violations in the states and even to destructions of the states and return by an archaic society. The author tries to answer a question to what extent in this new reality scientific and technical progress and sociotechnical imaginaries influence political modernization.

*Key words:* political modernization, foreign and domestic policy, Internet resources, ICT users, sociotechnical imaginaries